

ЛЕОНИД КАРПОВ

Баба с возу — и волки сыты

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Леонид Карпов

Баба с возу – и волки сыты

<https://litres.ru/74414172>

SelfPub; 2026

Аннотация

Перед вами – сборник юмористических рассказов о нашей жизни, написанный мужчиной с чувством юмора и искренней любовью к людям (а особенно – к прекрасной половине человечества!).

Автор уверен: в любой непонятной ситуации главное – вовремя включить чувство юмора. Значительную часть сборника занимают уморительные и жизненные истории о женщинах, их логике, обаянии и умении создавать приключения на ровном месте. Но и помимо женских секретов здесь есть над чем посмеяться: вас ждут забавные зарисовки и вполне серьезные вещи, заставляющие задуматься.

В книгу вошли как короткие рассказы (включая заглавный «Баба с возу – и волки сыты»), так и мини-повести, среди которых настоящими изюминками сборника, по скромному мнению автора, стали произведения «Прынцесса Д.», «Дюма с камелиями» и «Девушка, которая помнила главное».

Эта современная проза идеально подойдет для тех, кто хочет отдохнуть от забот и посмеяться от души. Легкий слог, тонкая сатира и море позитива гарантированы!

Содержание

Баба с возу – и волки сыты	4
Прынцесса Д.	10
Самурай и глянец	33
Бохо-шик и птичий цинизм	40
Шоу дрессированных единомышленников	47
Бестселлер эпохи перемен	54
Огненная женственность из хрущевки	60
Не надо пакет!	65
Теория одинаковых мужчин	68
Тихий прораб	84
Внутренний кордебалет Марго Николаевны	87
Басня о Вороне и Лисе	91
В Нео-Воронеже	94
Modern Baroque	97
Мода требует смазки	107
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Леонид Карпов

Баба с возу – и волки сыты

Баба с возу – и волки сыты

В деревне Гадюкино стоял густой декабрьский туман. Семен запрягал старую кобылу Ночку, уныло соображая, как уместить на одной телеге три мешка картошки, двух поросят, бочку с квашеной капустой и свою ненаглядную супругу Глафиру. Глафира, женщина грандиозных пропорций и еще более грандиозного характера, уже сидела на самом краю, из-за чего телега угрожающе кренилась на правый бок.

– Семен! Чего телишься? – зычно крикнула Глафира, отчего с ближней березы испуганно взлетели вороны. – Рынок закроется, пока ты свои портки подтягиваешь! Кобылу гони!

Семен вздохнул, устроился на краешке левого борта для баланса и дернул вожжи. Ночка тяжело вздохнула и тронулась в путь через дремучий казенный лес.

Дорога была скверной. Телегу трясло, поросята визжали, Глафира не умолкала. Она выразительно объясняла Семену, почему он неудачник, почему ее мама была права и почему капуста в этом году уродилась «какая-то кривая, прямо как твои руки». Дальше она плавно переключилась на то, что Семен неправильно дышит, слишком громко моргает и вообще

мозолит ей глаза своим существованием.

– И кстати! – гремела Глафира на весь лес. – Нормальные мужья жен на курорты возят, в Египет! А ты меня везешь на телеге 1953 года выпуска мимо болот! Меня тут любой мохнатый комар сожрет и не подавится!

Семен привычно кивал, про себя соглашаясь, что комара, который решится сожрать Глафиру, ждет суровое несварение желудка. Мысленно он улетал в прекрасные дали, где не было ни рынков, ни капусты, ни семейного долга.

Примерно на десятом километре, в самой глуши, Ночка вдруг захрапела и застыла как вкопанная. Из кустов на дорогу бесшумно выкатился серый клубок. Один, второй, третий... Шесть здоровенных, голодных зимних волков обступили телегу. Поросята в ужасе затихли.

Вожак стаи, шрамированный серый волчище, сделал шаг вперед, хищно облизнулся и издал утробный рык.

– Ой, мамочки... – пискнул Семен, растеряв всю свою деревенскую невозмутимость. – Поросят сожрут! И нас заодно!

Глафира на секунду замолчала, оценивая масштаб угрозы. Волки переглянулись, ожидая криков, плача и паники. Но они плохо знали Глафиру. Она поправила съехавший набок платок, уперла руки в необъятные бока и зловеще прищурилась.

– Это кто тут рычит?! – рявкнула она так, что вожак от неожиданности присел на задние лапы. – Вы на кого пасть

разинули, облезлые?! Семен, держи вожжи! Я сейчас им покажу «санитарный час»!

Глафира решительно встала в полный рост. Телега хрустнула. Она замахнулась огромной мозолистой рукой, собираясь обрушить всю ярость оскорбленной женщины на дикую природу, но... не удержала равновесие на скользком борту.

С оглушительным криком «Ю-у-ху-у!» Глафира полетела с возу прямо в сугроб. Падение женщины таких масштабов подчинялось законам не столько физики, сколько тектоники. Земля содрогнулась. Ближайшая вековая ель сбросила с себя весь снег, а волки от неожиданности брызнули в стороны, решив, что на них с неба упал метеорит в пальто. Семен зажмурился, ожидая страшного.

Но из сугроба донесся не крик о помощи, а яростный ор: – Ах вы паразиты! Шубу из меня захотели?! Натe! Получите!

Вожак стаи отчаянно завыл, пытаясь объяснить на волчьем языке, что они просто хотели есть и никакая шуба пятидесятого оверсайз-размера им в гробу не сдалась. Но Глафиру было не остановить.

Семен осторожно открыл один глаз. Картина превзошла все ожидания. Глафира, орудуя подвернувшейся под руку толстой веткой, всю воспитывала хищников. Вожак стаи, получив по носу, уже испуганно скулил и пытался уползти в кусты. Остальные серые хищники, поджав хвосты, кружили на безопасном расстоянии, не понимая, почему еда дерется

сильнее, чем медведь-шатун.

– Ночка, милая, ходу! – шепотом скомандовал Семен.

Кобыла, оценив ситуацию, проявила недюжинный ум. Она рванула с места со скоростью породистого скакуна. Телега пронеслась мимо дерущейся Глафиры, Семен только успел поймать ее удивленный взгляд.

– Семе-о-он! Ты куда-а?! – полетело ему вслед.

– На рынок, Глаша! Капусту продавать! – честно крикнул Семен, чувствуя, как внутри зарождается какое-то первобытное, давно забытое чувство абсолютной свободы.

Лошадь бежала легко. Без Глафиры телега больше не крепилась, колеса весело постукивали по накатанному снегу. На душе у Семена было тихо и радостно. Поросята сзади согласнo похрюкивали.

Через два часа Семен сидел в трактире. Картошка улете-ла на ура, капусту оторвали с руками, а поросят перекупщи-ки забрали даже без торга – без зычного командного голоса Глафиры торговля шла подозрительно весело. Семен пил горячий чай и ловил себя на пугающей мысли: он чувствовал себя каторжником, у которого внезапно украли кандалы. В трактире было тихо. Никто не жужжал над ухом, не крити-ковал его манеру держать чашку и не обещал переписать дом на тещу. Это были лучшие минуты в его жизни. Ехать назад не хотелось, но совесть и страх перед законом все же взяли верх. «Ладно, – подумал он, – хоть кости ее соберу, по-человечески похороню».

Семен запряг Ночку и медленно поехал обратно через лес. На месте происшествия царила подозрительная тишина. Ни костей, ни крови. Только утоптаный до земли снег.

Вдруг из чащи послышался хруст веток. Семен замер.

Из кустов вышла Глафира. На ней не было ни царапины. Платок был завязан аккуратным узелком, в руке она держала ту самую ветку. Но самое удивительное – следом за ней, гуськом, смирно шли те самые шесть волков. Вожак стаи преданно нес в зубах ее утерянную калошу. Остальные хищники шли с опущенными головами, выражая крайнюю степень покорности и дисциплины.

– О, явился, супостат! – заворчала Глафира, подходя к телеге. – Бросил жену на растерзание! Благо, мальчики вежливые попались. Сначала, правда, дурили, но я им быстро иерархию объяснила.

Вожак аккуратно положил калошу у ног Глафиры и тихонько гавкнул, словно докладывал о выполнении боевой задачи. Глафира потрепала его за ухом. Волчище зажмурился от счастья.

– Вот, Семен, знакомься. Это Серега, это Мишка, это Толик... – Глафира обвела взглядом стаю. – Ребята безработные, голодные, но исполнительные. Будут у нас двор охранять. А то повадился соседский гусь наш забор ломать. По машинам, мальчики!

Волки, толкаясь и повизгивая от восторга, дружно прыгали в телегу, аккуратно улегшись на пустые мешки из-

под проданных поросят. Семен мысленно порадовался, что успел сбыть скотину до того, как в доме появилось шестеро новых прожорливых ртов.

Глафира тяжело взгромоздилась на свое привычное место. Телега снова накренилась.

– Я уже все продумала, Семен. Мы этих волчар местным охотникам как гончих собак в аренду сдавать будем. Ну, чего стоишь, дурень? Трогай, бизнесвумен едет домой! Кормить команду надо, я им твоих любимых котлет наобещала.

При слове «котлеты» шесть суровых лесных убийц синхронно сглотнули слюну и преданно застучали хвостами по бортам телеги, умоляюще глядя Семену прямо в душу. Тот молча дернул вожжи. Ночка потащила потяжелевшую телегу в сторону дома. Семен смотрел на дорогу и думал о том, что старая пословица абсолютно права. Баба с возу – оно, конечно, к облегчению. Но когда баба возвращается с собственной волчьей стаей – тут уж спорить с ней больше никто в этой деревне не решится.

Прынцесса Д.

«Это трахтир, и бильярд имеется; и прынцессы найдутся...»

(Ф. М. Достоевский, «Преступление и наказание»)

Вывеска над заведением гласила: «Трахтир и биллиардъ». Зазывала Мефодий, парень в рваном армяке, лихо закрутил ус.

– Заходи, господин студент! – крикнул он прохожему в дырявой шинели. – Это трахтир, и бильярд имеется; и прынцессы найдутся!

Студент остановился. Его звали Акакий, и он был трезв, что для этих мест считалось дурным тоном.

– Какие еще прынцессы в «Малиннике»? – угрюмо спросил он. – У вас тут из благородного только клопы в матрасах.

– Обижаешь, мил человек! – Мефодий заговорщицки подмигнул. – Прямо из заморских сказок. Нынче у нас дебют. Прынцесса Диснея! Лично из кареты... ну, то есть из телеги с навозом, намедни вышла. Иди, иди, она как раз у бильярда кофий жрет.

Акакий, ведомый исключительно антропологическим интересом (и тем, что дома у него не было даже чая), вошел в полуподвал.

В углу, около кривого бильярдного стола, на котором вме-

сто шаров катали крупные серые картофелины, сидела она.

Назвать ее «Диснеей» мог только человек с очень богатой фантазией и тяжелой формой белой горячки. На вид «принцессе» было лет сорок пять, хотя по паспортной книжке, выданной в Твери, могло быть и двадцать. Ее пышное, некогда розовое платье, явно украденное за кулисами провинциального театра, держалось на честном слове и одной ржавой булавке. Лицо Диснеи украшал такой слой белил, что при каждом ее вздохе вокруг стола поднималось маленькое облако муки.

– Здрасьте, – басом сказала принцесса, метко сплюнув на пол шелуху от семечек. – Поди, принц? Что-то коня твоего снаружи не видать. Сперли на Сенной?

– Я студент, – робко представился Акакий, присаживаясь на край липкого стула. – А вас... правда зовут Диснея?

– Родители Диснейкой звали, – вздохнула она, разглядывая свой ноготь, которым только что чистила картофелину. – Отец-то мой, царство ему небесное, у барина конюхом служил. Барин из Парижу привез чернокнижную тетрадь с картинками пророческими, там все замки да мыши говорящие. Отец впечатлился и окрестил меня Диснеей. Думал, в люди выбьюсь.

– И как, выбились? – спросил студент, глядя на дыру в ее левом рукаве.

– А то! – Диснея гордо выпрямилась, отчего булавка на платье угрожающе треснула. – В «Малиннике» я первая дра-

моделка. Другие принцессы – Марфушка да Катька-Косая – только и умеют, что сивуху глушить да матом ругаться. А у меня – тонкая душевная организация! Я, ежели выпью лишнего, петь начинаю. Да так, что крысы из подвала строем уходят. Нью-йоркские антрепренеры говорят – чистый Голливуд, во как!

В этот момент к столу подошел половой и грохнул перед ними графин с мутной жидкостью.

– От принцессы Диснеи – вашему шалашу, – хмуро буркнул он.

– Угощайся, студент, – великодушно махнула рукой Диснея. – Расскажи, каково оно там, на воле? Летают ли птички? Поют ли гномы? У нас тут из гномов только карлик Пахом, но он не поет, он все больше карманы чистит, пока господа бильярд кушают.

Акакий пригубил из рюмки. Жидкость обожгла горло, напомнив по вкусу керосин, смешанный с верой в светлое будущее. Вдруг в его голове прояснилось. Окружающий кошмар Сенной площади начал казаться ему удивительно поэтичным.

– Знаете, Диснея, – горячо заговорил студент, подаваясь вперед. – А ведь вы правы! Жизнь – это сказка. Просто у нашего автора, Достоевского, очень мрачное чувство юмора. Мы все тут – заколдованные принцы и принцессы!

– Во-во! – обрадовалась Диснея, подливая еще. – И я про то же! Я вот, например, жду, когда меня прекрасный принц

поцелует. Ну, или хотя бы околоточный надзиратель штраф простит. Тоже, считай, чудо.

Они просидели до полуночи. Диснея рассказывала, как однажды потеряла туфельку, убегая от будочника (туфелька была сорок второго размера, подбитая гвоздями, и будочник, получив ей по лбу, долго не мог прийти в себя). Акакий читал ей стихи про чистую любовь, от которых принцесса громко сморкалась в подол платья и кричала: «Какая экспрессия!»

Когда Акакий, шатаясь от «волшебного эликсира», выходил из трактира, Мефодий у дверей спросил его:

– Ну как, барин? Понравилась принцесса?

Акакий посмотрел на грязные лужи Сенной площади, на пьяных извозчиков и улыбнулся блаженной улыбкой:

– Знаешь, Мефодий... Поцелуй ее передай. Она, конечно, не Белоснежка. Но для этого ада – чистый Дисней.

*

На следующее утро Акакий проснулся с ощущением, будто в его голове карлик Пахом и все семь гномов устроили всероссийское состязание по бильярду. Во рту было сухо, как на планете Татуин, а в кармане шинели обнаружилась лишь наполовину обглоданная картофелина – сувенир от принцессы.

– Нет, это был сон, – прохрипел студент, кутаясь в дырявое одеяло. – Литературный бред на почве недоедания.

Однако ровно в полдень в его каморку без стука ворвался

Мефодий. Зазывала был непривычно бледен, а его усы уныло обвисли.

– Спасай, господин студент! – с порога завопил Мефодий.
– Диснея-то наша... С ума спятила! Насмотрелась на твои манеры, наслушалась стишков про чистую любовь и забастовала!

– Как это – забастовала? – Акакий сел на кровати.

– А вот так! Сидит у бильярда, кофий пить отказывается, сивуху выплеснула в окно, прямо на будочника. Требует, говорит, чтоб к ней теперь обращались не иначе как «Ваше сиятельство принцесса Диснея Первейшая». И ладно бы только это! Она изловила в подвале трех самых жирных крыс, привязала их бечевкой к старому корыту и сидит ждет, когда они в карету превратятся! А Пахома-карлика заставила кучером сесть. Пахом плачет, у него флюс, а она ему: «Сиди, Пахомушка, скоро полночь, нам во дворец ехать». Хозяин трактира в ярости, бильярд простаивает! Пойдем, Христа ради, расколдуй ее обратно!

Делать было нечего. Чувствуя угрызения совести за порушенную психику трущобной аристократии, Акакий поплелся на Сенную.

В «Малиннике» царила атмосфера высокой драмы. У бильярдного стола действительно стояло корыто. В нем, скрестив ноги и гордо подняв подбородок, сидела Диснея. Три огромные крысы меланхолично грызли бечевку. На краю корыта, шмыгая носом, сидел карлик Пахом в суконном кар-

тузе. Вокруг толпились завсегдатаи, боясь подойти ближе: принцесса отмахивалась от всех бильярдным кием, уверяя, что это ее волшебная палочка.

– А, вот и мой принц! – величественно пробасила Диснея, увидав Акакия. – Опаздываешь, милорд. Кони застоялись, кучер трезв – непорядок!

– Диснея... мой свет Андреевна, – робко начал Акакий, обходя корыто. – Вы бы это... вылезали. Крысы в коней не превратятся. Это же Стерн... то есть Достоевский. Тут реализм, натуральная школа. Чуда не будет.

– Это у тебя не будет! – отрезала принцесса, и облако белил снова взметнулось над ее лицом. – А у меня – эстетика! Я всю ночь думала. Почему Марфушке можно матом ругаться и ее за это уважают, а я должна в грязи валяться? Я, может, внутри – хрустальная! Мефодий, плесни хрустальной принцессе рассолу, а то сушняк сказочный одолел.

Хозяин трактира, толстый купец в засаленном жилете, выпихнул Акакия вперед:

– Сделай что-нибудь, студент! Из-за ее кареты господа офицеры брезгуют картофель катать!

Акакий вздохнул, поправил очки и решился на крайние меры. Он подошел к корыту, опустился на одно колено прямо в грязные опилки и взял Диснею за мозолистую руку.

– Прекрасная принцесса, – громко и выразительно произнес он. – Произошла ужасная ошибка. Я получил депешу из заморских земель.

Диснея замерла. Крысы перестали грызть веревку. В трактире затихли даже мухи.

– Чего пижут? – шепотом спросила она.

– Пижут, что вы – не Золушка. Вы – плененная принцесса Джаббы! – импровизировал на ходу Акакий, хотя понимал, что на самом деле она – принцесса Достоевского: сидит возле грязного бильярдного стола, страдает за все человечество и пахнет луком. – А по законам саги, принцесса Джаббы Хатта должна сидеть на самом дне криминального пригона, держать в страхе местных контрабандистов и душить цепями всяких заезжих проходимцев! И карета ей не нужна. Ей нужен верный Чубакка Мефодий и бильярдный стол для защиты от джедаев. Ваша истинная магия – в том, чтобы оставаться грозой Сенной площади!

Диснея задумалась. Она посмотрела на Акакия, потом на привязанных крыс, потом на кий в своей руке.

– Джаббы, говоришь? – переспросила она, оглядывая свои могучие плечи. – Авторитетная, значит? Из жабьего рода?

– Душой, пропиской и нашим болотным петербургским климатом – абсолютно! – подтвердил студент.

Принцесса медленно поднялась из корыта. Карлик Пахом облегченно перекрестился и удрал под стол. Диснея с размаху опустила кий на бильярдный стол, отчего картофелины с грохотом раскатились по углам.

– А и то верно! – гаркнула она на весь трактир. – К черту карету! Пахом, отвяжи коней, пушай бегут. Мефодий, тащи

сивуху! Гуляет «Малинник»! Я принцесса здешняя, болотная, и корона моя из огуречного рассола!

Трактир взорвался криками одобрения. Хозяин заулыбался и тут же выставил Акакию бесплатную чарку.

Студент тихонько попятился к выходу. У самых дверей его догнала Диснея. Она густо пахла луком и дешевой помадой.

– Спасибо тебе, студент, – подмигнула она, суя ему в руку чистый, не надкусанный пирожок с ливером. – Сказка сказкой, а кушать надо. Заходи, если что. Для тебя у меня бильярд всегда бесплатный будет.

Акакий вышел на залитую солнцем Сенную площадь. Жизнь снова стала серой, бедной и грязной, но в кармане приятно грел ливерный пирожок.

*

Не успел Акакий отойти от «Малинника» и на сто шагов, как сзади раздался истошный крик Мефодия:

– Студент! Воротись! Князь приехал! Настоящий, с моноклем и лакеем!

Акакий мысленно проклял тот день, когда решил заняться сравнительным литературоведением в трактирах, но пирожок с ливером обязывал к верности. Он повернул назад.

У входа в полуподвал стояла роскошная карета (на этот раз настоящая, без крыс). А внутри «Малинника» происходило нечто невообразимое. За липким столом сидел утонченный господин в безупречном фраке – князь фон дер

Пляц. В глазу у него поблескивал монокль, в который он с ужасом и восторгом разглядывал принцессу Диснею.

Диснея, решив твердо следовать новому амплуа «принцессы Джаббы», сидела прямо на бильярдном столе, скрестив ноги, и ковыряла в зубах спичкой.

– О, Жан! Посмотри на эту непосредственность! – восхищенно говорил князь своему лакею. – Какое презрение к буржуазным условностям! Какая дикая, первобытная грация! Это же истинный романтизм, о котором писал Руссо!

Оказалось, фон дер Пляц был пресыщенным петербургским аристократом, который добровольно спустился «из князи в грязи», надеясь отыскать здесь «новое слово в искусстве» и «слияния с народом». Услышав на Сенной, что в «Малиннике» обретается заграничная принцесса, он немедленно ринулся туда за вдохновением.

– Мадмуазель Диснея, – князь прижал руку к сердцу. – Я очарован вашим... аутентичным амбре. Позвольте пригласить вас на вечер в мое имение? Там соберется весь цвет столичной интеллигенции! Пресса, критики, поэты-нигилисты! Вы станете гвоздем программы!

Диснея покосилась на Акакия, который как раз протискивался сквозь толпу.

– Слышь, студент, – басом спросила она. – Этот хлыщ меня на ангажемент зовет. Идти, аль в ухо дать ради профилактики?

Князь, приняв Акакия за личного секретаря «дивы», тут

же сунул ему в руку золотой полуимпериял.

– Молодой человек, убедите ее! Нам нужны новые лица в салонах! Хватит с нас балерин, публика требует хардкора!

Золотая монета весила приятно, а в голове Акакия созрел план грандиозной литературной мистификации.

– Ваше сиятельство, – важно сказал студент князю. – Принцесса Диснея согласна. Но учтите: она из очень древнего, очень закрытого... болотного ордена. Она говорит только правду в глаза и не терпит французского произношения.

– Великолепно! Эпатаж! – захолопал в ладоши князь.

Вскоре карета везла эту странную компанию на Каменный остров. Диснею наспех умыли (отчего под слоем белил обнаружился здоровый тверской румянец), но платье оставили прежнее – для «сохранения концепта».

Салон князя блистал. Повсюду были свечи, шампанское и дамы в бриллиантах. Когда князь фон дер Пляц громогласно объявил: «Господа! Представляю вам принцессу Диснею, жемчужину петербургского дна!», в зале повисла тишина.

Диснея вышла в центр залы, шумно высморкалась в шелковую скатерть и сказала:

– Ну, здорово, буржуи. Шампанское у вас, гляжу, жидковато. Мефодий бы такое даже в рассол не налил.

Прогрессивная публика ахнула от восторга.

– Боже, какая глубина протеста! – прошептала одна баронесса. – Как она тонко деконструирует общество потребления, крепостнические пережитки и дворянский застой!

– А скажите, принцесса, – подскочил к ней худосочный поэт. – В чем, по-вашему, сермяжная правда жизни?

Диснея оглядела его с ног до головы, вздохнула и ответила:

– Правда, милоч, в том, что ежели ты на Сенную с настоящим костяным шаром придешь, карлик Пахом его украдет и тут же пропьет. А еще – пироги с ливером надо горячими жрать, а то остынут – чистый клейстер.

– Гениально! – закричал поэт. – «Жизнь как остывший пирог с ливером»! Это же манифест нового декаданса! Я пишу об этом поэму!

Акакий стоял в сторонке, скромно дегустируя княжеские ананасы, и понимал, что русская литература только что свернула куда-то не туда. Диснея тем временем вошла во вкус: она научила жену сенатора играть в «три карты» на щелбаны, объяснила генералу, как правильно прятать краденое в сапог, и выпила залпом бутылку шампанского, заслужив бурные аплодисменты критиков.

К концу вечера Диснею провозгласили «Музой Новой Волны». Князь фон дер Пляц рыдал от счастья и совал ей золото и пачки ассигнаций.

Когда под утро Акакий и Диснея возвращались на Сенную в министерской карете, набитой деньгами и хрусталем, принцесса устало сняла туфлю сорок второго размера и почесала ногу.

– Ну что, студент... – задумчиво сказала она. – Дураков в

столице, конечно, лет на сто припасено. Но в «Малиннике» как-то душевнее. Там ежели в морду дают, так за дело, а тут – за метафору. Завтра же возвращаюсь. Бильярд сам себя не отыграет.

Акакий улыбнулся. Сказочные принцессы бывают разные. Некоторым замки даром не нужны, если в этих замках нет приличного трактира.

*

На следующее утро Сенная площадь гудела, как растревоженный улей. Слух о том, что принцесса Диснея обчистила столичных аристократов на мешок денег и вернулась в «Малинник», разлетелся быстрее, чем холера. А один газетный репортер писал, то ли по пьяни, то ли по мистическому предвидению, что она – леди Ди, принцесса Уэльская, трагическая икона британского стиля, подстроившая свою кончину и решившая скрыться на петербургских болотах.

Карлик Пахом, сидевший под бильярдным столом, завистливо пересчитывал свои медные гроши. Жаба в его груди разрослась до размеров хорошей тверской тыквы.

– Ишь, Джабба болотная, – кривился Пахом, подговаривая Мефодия. – Ей, бабе крупной, деньги зачем? Пропьет ведь с горя аль платьев закупит французских. А у меня, между прочим, бизнес-план! Нам на Сенной нужен свой, народный тотализатор на бильярдных шарах! Мефодий, надо экспроприировать ценности в пользу рабочего класса. То бишь нас.

Мефодий, парень простой, но пугливый, покрутил пальцем у виска:

– Ты дурак, Пахом? У нее ж кий заговоренный! Она им третьего дня будочника перекрестила так, что тот до сих пор буквы забывает.

– А мы хитростью! – подмигнул карлик. – Студента пошлем. Он парень начитанный, Диснея к нему благоволит. Пущай зубы ей заговорит про Гегеля с Кантом, а я в корыте под юбками мешок-то и нащупаю.

Акакий в это время как раз входил в трактир, бережно неся под мышкой свежий номер журнала «Отечественные записки». На гонорар от князя он наконец-то купил себе приличные калоши (на новую шинель явно не хватало) и чувствовал себя без пяти минут Белинским.

– О, Акаша пришел! – зычно крикнула Диснея с высоты бильярдного стола, где она теперь восседала на троне из трех ящиков из-под водки. На голове у нее красовалась кастрюля, начищенная Мефодием до зеркального блеска – символ новой суверенной власти. – Садись, милоч. Я тут как раз указ подписываю. О введении на Сенной площади этикета. Отныне, кто мимо «Малинника» идет и в пояс принцессе не кланяется – тому Пахом в сапог дегтя нальет. Пахом, ты где, шельма?

Пахом вылез из-под стола, сладко улыбаясь во весь свой единственный передний зуб.

– Тут я, Ваше Сказочное Величество! Мы вот со студен-

том как раз обсуждали... Не изволите ли вы, принцесса, заслушать лекцию о международном положении? Акакий свет-Михайлович такие слова знает – заслушаешься! Прямо дух захватывает, как в Париже.

Диснея подперла кулаком подбородок, отчего кастрюля на голове съехала набок.

– Ну давай, студент. Излагай про Париж. Французы-то, поди, до сих пор лягушек трескают от недоедания?

Акакий, не подозревая о коварстве карлика, открыл журнал и начал увлеченно читать статью о кризисе европейского романтизма. Диснея слушала, мерно покачивая головой в такт сложным терминам, и постепенно ее глаза начали слипаться – княжеское шампанское накануне и три ведра рассола с утра требовали законного отдыха.

Пахом, выждав момент, когда принцесса сладко захрапела, выдавая рулады мощностью в три невских буксира, на цыпочках пополз к заветному корыту, где под ворохом старых юбок лежал мешок с княжескими ассигнациями.

Его маленькая ручка уже коснулась завязки, как вдруг крыса, которую принцесса так и не отвязала от корыта (оставив «для антуражу»), сочла действия Пахома посягательством на ее личную суверенную территорию. Крыса, воспитанная в суровых условиях Сенной площади, не стала пищать. Она просто молча и со вкусом цапнула Пахома за палец.

– А-а-а-й! Спасите! Драконы! – истошно заорал карлик,

отпрыгивая назад и опрокидывая ящик с картошкой.

Диснея проснулась мгновенно. Взгляд ее Салтычихи с Сенной площади сфокусировался на Пахоме, в руках у которого сиротливо зажался оторванный лоскут от ее принцессинового платья.

– Ах ты, клоп поддиванный! – рявкнула Диснея, хватая свой верный бильярдный кий. – Казну грабить?! В моем собственном королевстве?!

– Это не я! Это студент меня подговорил! – струсил Пахом, указывая пальцем на обомлевшего Акакия. – Он говорил, что собственность – это кража! Прудона цитировал, гад такой!

Диснея медленно повернулась к Акакию. Кий в ее руках описал изящную, но крайне опасную дугу.

– Правда, Акаша? Тоже на мои миллионы позарился? А я тебе пирожок с ливером отдала... Последний! Чистый!

Акакий понял, что сейчас его калоши и карьера критика закончатся прямо здесь, под бильярдным столом. Спасать ситуацию нужно было немедленно, причем методами высшей драматургии.

– Диснея Андреевна! – Акакий пал на колени, прижав «Отечественные записки» к груди. – Не губите! Пахом лжет! Я не красть пришел, я принес вам весть из цензурного комитета! Вас... вас запрещают!

Принцесса замерла с поднятым кием.

– Кого это запрещают? Меня?! За что?

– За подрыв устоев! – импровизировал Акакий, вытирая холодный пот. – Князь фон дер Пляц после вашей лекции о пирогах сошел с ума, раздал все имущество крестьянам и ушел в монастырь. Тайная полиция с ног сбилась! Они ищут «принцессу Джаббы», которая смущает умы аристократии! Если они найдут здесь мешок с золотом – вас сошлют в Сибирь! Пешком! Без бильярда!

В трактире наступила гробовая тишина. Даже крыса в корыте, казалось, прониклась серьезностью момента.

Диснея медленно опустила кий. На ее лице отразилась сложная мыслительная работа. Сибирь ей не нравилась – там, по слухам, трактиры были еще хуже, а бильярдные шары зимой примерзали к рукам.

– Вот оно что... – протянула она, грозно посмотрев на притихшего Пахома. – Политика, значит. Революция.

Она решительно подошла к корыту, достала мешок с деньгами и с размаху грохнула его на стол перед Акакием.

– Забирай, студент. Ты парень честный, калоши новые опять же купил – видно, что в экономике понимаешь. Вези эти проклятые бумажки обратно в банк аль бедным студентам раздай, чтоб они про меня стихи писали. А мне... мне корона Сенной площади дороже ихних политесов. Мефодий! Снимай кастрюлю, жмет в висках. Неси пиво и воблу. Будем праздновать мое избавление от буржуазного ига!

Акакий, едва веря своему счастью, подхватил мешок, который весил как хорошее академическое издание энцикло-

педии. Пахом, получив от Диснеи увесистый подзатыльник для профилактики, покорно пополз собирать раскатившуюся картошку.

Выходя из «Малинника», Акакий обернулся. Принцесса Диснея, лихо заломив засаленный рукав, уже выбивала «сво-яка» в угловую лузу под восторженные крики извозчиков.

*

Студент Акакий бежал по Сенной площади так, словно за ним гнался весь цензурный комитет вместе с Третьим отделением. Мешок с княжескими деньгами приятно и одновременно страшно бил его по боку. Оставив позади грязные переулки, он добежал до своей каморки, запер дверь на три засова и вывалил содержимое на кровать.

На куче ассигнаций меланхолично сидела та самая трактирная крыса, которая, видимо, решила эмигрировать из «Малинника» вместе с капиталом.

– Ну и что нам с этим делать, товарищ по несчастью? – спросил Акакий крысу. – Если я куплю себе дом на Большой Морской, меня арестуют на следующий же день. Если пропью – стану вторым Мармеладовым.

Крыса пискнула и ткнула носом в свежий номер «Отечественных записок». На последних страницах красовалось объявление: «Открывается подписка на новое благотворительное общество по спасению падших душ и содействию отечественной словесности».

Глаза Акакия загорелись. Вот он – путь истинного русско-

го интеллигента!

Через неделю на углу Сенной площади и Столярного переулка открылось невиданное доселе заведение. Вывеска, написанная лучшим академическим шрифтом, гласила: «Культурно-просветительский трактир имени принцессы Д.».

Акакий подошел к делу с истинно русским размахом и превратил злачное место в цитадель просвещения. Столы для игры в шары перетянули первоклассным зеленым сукном, а на их бортах Мефодий лично выжег цитаты из Гегеля и Канта. Отныне за мат во время партии полагался строгий штраф – чтение стихотворения Пушкина с табуретки.

На входе гостей теперь встречал сам Мефодий в роли швейцара, облаченный в ливрею и с усами, напомаженными по последней парижской моде. Карлик Пахом получил официальную должность «Главного хранителя луз и картофельных запасов» с фиксированным окладом, что мгновенно и полностью излечило его от пагубной kleптомании.

Фирменным же блюдом заведения стали те самые горячие пирожки с ливером, которые теперь торжественно выносили на серебряных подносах под поэтичным названием «Муза Новой Волны».

Сама принцесса Диснея преобразилась до неузнаваемости. Акакий выписал ей из Парижа настоящее бархатное платье изумрудного цвета, идеально подчеркивающее благородный оттенок шкуры великого Джаббы, и нанял учителя ма-

нер. Правда, манеры Диснея усваивала специфически. Она по-прежнему могла открыть бутылку шампанского зубами, но теперь делала это с мизинцем, изящно отставленным в сторону.

Заведение имело оглушительный успех. Петербургская интеллигенция толпами валила на Сенную. Поэты-нигилисты спорили о судьбах России, пока Пахом катал им шары, а чиновники министерств тайно приходили посмотреть на «ту самую Диснею».

В один из вечеров в трактир вошел высокий, худощавый господин с грустными глазами и острой бородкой. Он сел в углу, заказал чай и долго наблюдал, как Диснея величественно поправляет сползающую на лоб бархатную диадему, одновременно объясняя извозчику, почему тот «неправ с точки зрения категорического императива».

Господин достал записную книжку и быстро набросал: «Это трактир, и бильярд имеется; и принцессы найдутся... Но принцессы эти, право слово, имеют душу столь глубокую и парадоксальную, что...»

Акакий, проходивший мимо с пачкой свежих газет, заглянул незнакомцу через плечо, прочитал строчку и улыбнулся: – Хорошо пишете, сударь. Реалистично. Только про бильярд добавьте, что шары у нас теперь костяные, а не из картошки. Общество-то прогрессирует!

Незнакомец поднял глаза, грустно улыбнулся и ответил: – Прогрессирует, молодой человек. Но картошка в этой

жизни как-то надежнее.

Он закрыл книжку, на обложке которой было скромно выведено: «Ф. М. Достоевский», расплатился за чай и вышел в сырой петербургский туман.

*

Прошел год. «Культурно-просветительский трактир имени принцессы Д.» превратился в главную достопримечательность Петербурга. Местная пресса писала, что это единственное место в империи, где в одной лузе можно обнаружить бильярдный шар, а в другой – рукопись молодого поэта.

Но тихая гавань Сенной площади продержалась недолго. В один из дождливых вечеров двери трактира распахнулись с таким грохотом, что карлик Пахом от неожиданности выронил ящик с мелом.

На пороге стоял господин в эксцентричном клетчатом костюме, цилиндре набекрень и с тростью, набалдашник которой был выполнен в виде головы улыбающейся мыши. Из-за его спины боязливо выглядывал переводчик из министерства иностранных дел.

– Ooh, look at this place! – громогласно восхитился иностранец с непривычным для русского уха носовым акцентом. – Какая атмосфера! Какой колорит! Где здесь мисс Диснея? Я ее официальный представитель!

Это был не кто иной, как мистер Дисней. То ли тот самый мультипликатор Уолт, то ли его предок, то ли потомок. Он путешествовал по Европе в поисках новых бизнес-идей. До

американских берегов дошли слухи, что в России вовсю используют его фамильный бренд, причем в сочетании с бильярдом и сомнительными пирожками.

Акакий, поправив новые дорогие очки, немедленно вышел навстречу гостю.

– Приветствую вас, господин... э-э... Дисней. Чем обязан? Наше заведение действует строго в рамках устава о благотворительности.

– Мой мальчик! – американец бесцеремонно хлопнул Акакия по плечу. – Я приехал не судиться, я приехал забирать свое! Мы откроем здесь первый в мире тематический парк! Никакого унылого реализма! Только сказка, анимация и... как это по-вашему... рассол!

В этот момент из кабинета вышла сама принцесса Диснея. На ней было новое изумрудное платье, а в руке она держала дымящийся ливерный пирог.

Уолтер замер. Его коммерческий взгляд мгновенно оценил масштабы колорита.

– О, мисс Диснея! Вы великолепны! – воскликнул он, падая на одно колено. – Я предлагаю вам контракт! Мы едем в Америку! Вы будете позировать для наших первых эскизов. Мы назовем это... «Белоснежка и семь гномов Сенной площади»! Пахом, подберите слюни, вы утверждены на роль Ворчуна без кастинга!

В трактире повисла тишина. Мефодий перестал протирать стаканы. Пахом преданно посмотрел на Диснею. Все по-

нимали: перед принцессой открывались двери в настоящий, заграничный замок, где вместо сырого петербургского тумана было калифорнийское солнце.

Диснея медленно подошла к американцу. Она посмотрела на его трость с мышью, потом на Акакия, у которого от волнения задрожали калоши, а затем перевела взгляд на кривой бильярдный стол, где извозчики как раз шумно спорили о Гегеле.

Она откусила добрую половину пирога, прожевала и густым, бархатным басом произнесла:

– Слышь, иностранец... Тезка ты мой недоделанный. В Америку, говоришь? А бильярд у вас там имеется?

– О, мы построим лучший бильярд! – закивал американец.

– А люди у вас там какие? – прищурилась принцесса. – Небось, чуть что – сразу улыбаются, как твоя мышь на палке? Души-то в них нету, парадокса душевного! У вас там ежели в морду дадут – так это капитализм и конкуренция. А у нас тут – от избытка чувств и ради поиска катарсиса! Нет, милоч. Не поеду.

Американец округлил глаза:

– Но почему?! Там миллионы! Слава!

– А потому, – Диснея величественно поправила диадему, – что принцесса без своего болота – просто баба в корсете. Моя индустрия – здесь. Мефодий, плесни господину американцу нашей фирменной настойки на мухоморах. Пушай

придет в себя и поймет, что такое настоящий творческий кризис.

Уолтер пригубил настойку, и в его глазах мгновенно пронеслись образы летающих слонов, поющих мышей и замков с привидениями. Он судорожно схватил блокнот, начал быстро зарисовывать эти галлюцинации и, шатаясь, побрел к выходу, бормоча: «Это гениально... Это будет хит...»

Акакий облегченно вздохнул и вытер пот со лба.

– Спасибо, Диснея Андреевна. Я уж думал, потеряем мы нашу музу.

– Брось, Акаша, – принцесса ласково хлопнула его по спине, отчего студент чуть не ушел в пол по колено. – Куда я от вас денусь? Кто вам еще «свояка» с левой руки в шестую лузу положит? Давай лучше стихи читай, у меня как раз подливерный пирог душа просвещения требует.

За окном трактира шумела сырая, грязная, но абсолютно счастливая Сенная площадь. Сказка, рожденная в трущобах Достоевского, окончательно обрела свой дом.

Самурай и глянец

Онаниси Бумагути был образцовым японским гражданином, идеальным сотрудником IT-компании и человеком феноменальной, почти пугающей аккуратности. Его жизнь была настолько упорядочена, что даже пульс, казалось, стучал строго по расписанию. Но у каждого самурая есть своя тайная комната.

Крошечная токийская квартира Онаниси площадью в двенадцать татами являлась шедевром логистики. Проблема заключалась лишь в том, что одиннадцать из этих двенадцати татами занимала личная коллекция Онаниси Бумагути. Он собирал винтажные японские порножурналы 80-х и 90-х годов. Это были не просто журналы, это был бумажный эквивалент золотого фонда нации.

Не имея места для горизонтального хранения, Онаниси строил небоскребы. Стопки глянца, пахнущего старой типографской краской, уходили под самый потолок. Они образовали в комнате настоящий лабиринт, по которому Онаниси Бумагути перемещался исключительно боком, втянув живот. В его квартире существовала строгая топонимика. Здесь был проспект «Ретро-VHS» из исполинских башен тяжелых ежемесячников, зыбкий переулок «Купальники-1994» из тонкого глянца, тупик «Школьницы в очках» возле холодильника и площадь Мияби в центре комнаты, где стопки

образовывали подобие Стоунхенджа.

Онаниси Бумагути знал каждый сантиметр своего бумажного мегаполиса. Он лавировал между башнями с грацией ниндзя, никогда не задевая хрупкие стены. Чтобы достать носки из комода, ему приходилось демонстрировать чудеса эквилибристики возле подшивки журнала «Action Camera» за 1988 год. Это был хрупкий мир, державшийся на честном слове и законах трения.

Онаниси даже разработал примитивную систему сигнализации: на вершине каждой бумажной башни лежала пустая жестяная банка из-под газировки. Если башня начинала крепиться от сквозняка, банка слетала на пол, и Онаниси Бумагути, спящий в углу, мгновенно просыпался, прыгал в темноту и телом подпирал падающую конструкцию.

В ту роковую пятницу Онаниси вернулся домой после четырнадцатичасового рабочего дня. Голова гудела от кода, спина ныла. Чтобы снять стресс, он решил провести инспекцию секции «Девушки с обложки эпохи Хэйсэй». Для полной гармонии в душе ему не хватало одного конкретного номера – редчайшего мартовского выпуска журнала «Pinku Palace» за 1991 год. На обложке там была легендарная модель в неоновом купальнике на фоне размытых пальм.

Издание покоилось под самым потолком. Оно было зажато, как тектоническая плита, между юбилейным выпуском «Gals & Motors» и двухкилограммовым каталогом «Эстетика колготок». Онаниси Бумагути встал на цыпочки. Он при-

менил технику «пальцы-невидимки» и аккуратно, как сапер, извлекающий мину, потянул заветный корешок.

Японская архитектура славится своей сейсмоустойчивостью. Бумажная архитектура Онаниси Бумагути – увы, нет. Извлечение мартовского номера нарушило хрупкий баланс сил. Воздух в комнате внезапно сгустился. Раздался зловещий, шуршащий звук, похожий на шелест тысячи крыльев гигантских бабочек. Башня «Купальники-1994» накренилась.

– О-то-то... – прошептал Онаниси.

Он попытался удержать падающий небоскреб правым плечом. Это была тактическая ошибка. Плечо толкнуло соседнюю башню – «Девушки в кимоно». Та, падая, увлекла за собой монолитную стену «Спецвыпуски: Пляж». За три секунды в комнате запустился неуправляемый термоядерный синтез из целлюлозы.

Падение происходило по всем законам домино. Журнал «Идеальные ножки» нанес сокрушительный удар по стопке «Пышные формы-1989», которая, в свою очередь, сдетонировала сектор «Девушки в спецодежде». Квартину заполнил такой плотный туман из талька и вековой пыли, словно в комнате взорвалась мучная фабрика.

На сорокалетнего программиста обрушилось настоящее цунами из плоти, улыбок и ламинированных обложек. Тонны высококачественного глянца погребли Онаниси Бумагути под собой. Последнее, что он увидел перед тем, как в гла-

зах потемнело – это безупречно отретушированное лицо актрисы Каори Симидзу на обложке 1993 года. Она улыбалась со стены падающего завала. Ее взгляд как бы говорил: «Извини, Онаниси, но против гравитации не попрешь».

Поскольку Бумагути был идеальным работником, его отсутствие заметили уже через пятнадцать минут после начала рабочего дня в понедельник. Его компьютер не прислал утренний отчет! Начальник отдела, заподозрив, что Бумагути либо умер, либо – что еще хуже – ушел к конкурентам, немедленно вызвал полицию. Дверь квартиры вскрыли болгаркой.

Детектив Накамура, суровый ветеран токийского сыска с тридцатилетним стажем, повидавший на своем веку самые жуткие сцены якудза, застыл на пороге. Его челюсть медленно поползла вниз. Перед ним простирался сплошной, бурлящий рельеф из бумаги. Квартира, как силосная яма, была забита гляncем под самый потолок. Из-под огромного завала сиротливо торчал только шнур от электрочайника. Детектив глухо приказал помощнику вызвать археологическую бригаду, прихватив лопаты и маски, и отметил, что тут царит атмосфера повышенной пикантности.

Поисково-спасательная операция вошла в историю полиции Токио под кодовым названием «Дело о Большом Шелесте». Полицейские бережно, слой за слоем, снимали культурные пласты. Работа продвигалась медленно, потому что личный состав постоянно отвлекался. Сержант Ямамото за-

стыл с открытым ртом, рассматривая эксклюзивное интервью с Аи Иидзимой за девяносто второй год с сохранившимся постером – такой же когда-то висел в его общежитии. Капитан Накамура тут же рявкнул на него, приказав отставить ностальгию, и конфисковал журнал в свой портфель якобы для утилизации.

Один из молодых патрульных попытался вытаскивать журналы пачками, но вызвал локальный сдвиг тектонических плит глянца. В результате его самого чуть не утащило в бумажную пучину, и коллегам пришлось вытягивать парня за ремень из секции «Пляжный волейбол-1997».

Через четыре часа раскопок, миновав пласт конца девяностых и углубившись в эпоху среднего Хэйсэй, лопата сержанта уперлась во что-то мягкое. Под эпическим завалом из трехсот номеров журнала «Sabra» и пятидесяти выпусков «Comic Market» было обнаружено тело Онаниси Бумагути. Он лежал в позе лотоса, зажатый бумажными плитами. На его лице застыло выражение глубокого, истинно буддийского недоумения. В правой руке он мертвой хваткой самурая сжимал тот самый мартовский номер «Pinku Palace» за 1991 год. Он все-таки его достал.

На следующий день в участке детектив Накамура курил одну сигарету за другой, мучительно пытаясь составить официальный рапорт. Канцелярский японский язык не был рассчитан на такие лингвистические кульбиты. В графе «Причина смерти» он после долгих раздумий аккуратно вывел,

что произошла механическая асфиксия, вызванная спонтанным сходом лавины печатной продукции эротического содержания, и жертва была раздавлена идеалами женской красоты прошлых десятилетий.

В кабинет робко заглянул молодой сержант Ямамото и сообщил, что в приемную приехали родители Онаниси Бумагути из Киото, очень консервативные люди, где отец является мастером чайной церемонии в седьмом поколении, а мать преподает игру на кото. Сержант переживал, что старик совершит сэппуку прямо в участке, если узнает правду про шесть тонн голых женщин.

Накамура тяжело вздохнул, посмотрел в окно на падающие лепестки сакуры, затушил сигарету и повернулся к помощнику:

– Сержант Ямамото. Мы живем в стране традиций. Напишите в официальном документе для семьи, что их сын пал в неравном бою с непреодолимыми силами природы, был погребен под весом соколовищ, которые охранял всю жизнь. И в момент гибели держал в руках символ своей главной победы, а сама смерть была мгновенной, мягкой и чрезвычайно глянцевой.

Сержант шмыгнул носом от избытка чувств:

– Это звучит красиво, капитан. Как в стихах Басё.

– Иди уже, поэт, – буркнул Накамура, аккуратно складывая конфискованные журналы в стопки прямо у себя за спиной. – Объяви по участку, что все вещественные доказа-

тельства переезжают в мой кабинет для детального, пограничного и крайне секретного следственного анализа. Заприть дверь на два замка и никого сюда не пускать.

Сержант Ямамото уважительно кивнул, но вдруг застыл на месте. Его взгляд медленно пополз вверх, туда, где за спиной начальника стремительно росли новые, подозрительно знакомые бумажные башни.

– Капитан... – робко начал он, указывая дрожащим пальцем наверх. – А вам не кажется, что свежий сектор «Девушки в купальниках» прямо над вашей головой сейчас как-то странно накренился?

Накамура замер с поднятой чашкой чая, услышав зловещный, шуршащий звук тысячи целлюлозных крыльев. Огромная стопка раритетного глянца качнулась вперед. Капитан медленно зажмурился и тихо прошептал:

– О-то-то...

Бохо-шик и птичий цинизм

Натали несла миру свою тщательно отрепетированную аутентичность, плавно лавируя между угрюмыми прохожими в безликих серых куртках. На ней колыхался свободный плащ-кимоно из дикого неотбеленного льна, из-под которого каскадами ниспадала трехъярусная юбка сложного благородного оттенка увядшей пыльной розы. При каждом ее шаге раздавался плотный серебряный звон множества литых цыганских браслетов, из-за чего Натали напоминала одновременно степную шаманку и легкую кавалерию на марше.

Для нее бохо-шик давно перестал быть просто модным направлением в одежде, превратившись в персональный манифест абсолютной свободы, тотального единения с первозданной природой и эстетического отрицания пластикового глянца современных мегаполисов.

Утро Натали неизменно начиналось со священного ритуала, не терпящего суеты и коммерции. Никакого бездушного фабричного кофе из капсул, только ферментированный травяной сбор из далеких предгорий Алтая, который она томила в тяжелой глиняной кружке ручной работы. Кружка была демонстративно кривой, с явным отпечатком пальца неизвестного мастера на боку, что в системе координат Натали делало ее безумно концептуальной и живой.

Держа этот дымящийся артефакт в руках, она подходила

к зеркалу, чтобы приступить к самому парадоксальному этапу дня – созданию фирменной легкой небрежности. Любая опытная бохо-дива знает, что для достижения эффекта, будто ты только что проснулась в стогу сена после экстатических ночных танцев у костра, требуется не менее получаса напряженного труда у зеркала.

Натали ловко орудовала плойкой, щедро распыляла полфлакона солевого спрея для создания правильной «дикой» текстуры и виртуозно закалывала пряди четырьмя десятками невидимок, пока на голове наконец не образовывался идеальный, высокохудожественный хаос.

Затем наступал черед этнического арсенала, который Натали подбирала с интуицией древнего друида. Сначала в уши отправлялись огромные серьги в виде ловцов снов, чьи пушистые перья ласкали ключицы при малейшем повороте головы. Следом на грудь ложился массивный кожаный шнур с куском необработанного розового кварца размером с хороший булыжник, призванный гармонизировать сердечную чакру и отгонять флюиды токсичного урбанизма.

Пальцы рук до вторых фаланг покрывались кольцами с чеканкой, еще пара специальных колечек украшала пальцы ног, а завершал ансамбль плетеный ремешок вокруг щиколотки. Теперь образ хрупкой лесной нимфы, случайно заплутавшей в дебрях из бетона и стекла, был полностью укомплектован.

Первое серьезное столкновение с суровой цивилизацией

произошло в подземке, где Натали принципиально пыталась игнорировать суету, но суета отказывалась игнорировать де-вушку. На платформе ее левая серьга-ловец прочно зацепилась перьями и бисером за пуговицу пальто хмурого мужчины, уткнувшегося в рабочий чат.

Мужчина дернулся вперед. Натали мягко, но властно придержала его за плечо, попросив не совершать резких движений, чтобы не разрушить текстуру пера и не нарушить ее хрупкую ауру. Процесс освобождения занял пару минут и стоил попутчику нескольких нервных клеток, но Натали лишь благостно улыбнулась ему вслед.

На эскалаторе судьба нанесла новый удар, когда длинная замшевая бахрома от ее сумки-мешка попала в зазор движущегося поручня. Раздался характерный треск, однако Натали даже не вздрогнула, мысленно окрестив инцидент внутренней деконструкцией вещи и решив, что естественный износ и дыры лишь добавляют предмету подлинной жизненной философии.

К полудню, устав от шума улиц, Натали решила заземлиться в местной веганской кофейне. Она грациозно опустилась в глубокое плетеное кресло на открытой веранде, эффектно закинув ногу на ногу, чтобы явить миру звенящий браслет на щиколотке и подчеркнуть свою близость к корням.

В этот момент на деревянный настил веранды шумно приземлился обычный городской голубь – взъерошенный, ци-

ничный и измученный вечной борьбой за крошки от круасанов. Натали же разглядела в птице сакрального Вестника Природы. Она медленно протянула к нему тонкую руку, унизанную серебром, прикрыла глаза и проникновенно прошептала слова приветствия свободному брату, спрашивая, чувствует ли он зов вольного ветра.

Дикий брат посмотрел на нее безумным янтарным глазом, резко прыгнул вперед и со всего размаху клюнул Натали прямо в массивный кусок кварца на шее, очевидно, перепутав полудрагоценный минерал с аппетитной хлебной коркой. Кварц пронзительно звякнул о кольца, голубь разочарованно чирикнул, напоследок выдал жирную порцию горячего, бело-зеленого помета прямо ей на плечо и взмыл в небо.

Подбежавший официант с пачкой влажных салфеток в ужасе запричитал, пытаясь исправить ситуацию, но Натали остановила его величественным и кротким жестом руки. Она заявила, что смывать это нельзя, ведь природа просто оставила на ней свой священный автограф, доказав, что они едины.

Именно эта свежая, бело-зеленая отметина мгновенно превратилась в смысловой центр всей ее модной концепции. Натали шла по центральной улице с гордо поднятой головой, чувствуя себя избранной шаманкой. Прохожие брезгливо косились на ее плечо, где на фоне благородного льна растекалась свежая птичья неожиданность. Но в глазах Натали это был не говно-апокалипсис, а эксклюзивный природ-

ный эполет, живой погон свободы. Она принципиально отказалась идти в туалет кофейни, решив, что этот пахучий ро-счерк природы на самом видном месте – лучший манифест ее дикой сущности, который должен увидеть весь этот пла-стиковый мир.

Поздним вечером, вернувшись в свою квартиру, Натали наконец приступила к процессу разоблачения. Она бережно снимала с себя килограммы звенящего серебра, аккуратно выуживала из запутавшихся волос сорок невидимок и уста-ло, но абсолютно счастливо улыбалась своему отражению.

Да, дикая и естественная красота требовала немалых фи-зических усилий и регулярных жертв. Ее льняной плащ те-перь отчетливо пах уличной птицей, подол юбки украшала живописная дыра от куста сирени, а пальцы ног отчаянно сводили капризные этнические кольца.

Главный артефакт дня – плащ-кимоно со священной го-лубиной отметиной – она небрежно, но с почтением повеси-ла на самое видное место, решив никогда ее не стирать ра-ди сохранения первозданной энергетики. Натали забралась в постель, укрылась тяжелым лоскутным одеялом и сладко заснула под монотонное футуристическое журчание ультра-звукового увлажнителя воздуха, мысленно улета в бескрай-ние, свободные прерии.

В гостях у мамы, Ирины Эдуардовны – женщины со стро-гой стрижкой каре и тридцатилетним стажем работы в бух-галтерии, – концепция тотального единения с фауной дала

трещину.

Натали впорхнула в прихожую, звеня браслетами, как шаманский бубен, и победно развевая подолом. Ирина Эдуардовна, только что закончившая стерильную влажную уборку, замерла с половником в руке. Ее наметанный глаз мгновенно зафиксировал цель: прямо на плече дорогого дизайнерского плаща-кимоно из дикого льна красовался тот самый сочный, подсохший бело-зеленый росчерк.

– Наташа, – ровным, пугающим голосом произнесла мать, – на тебе птичьи экскременты.

– Мама, это органика! – Натали величественно вскинула подбородок, отчего ловцы снов в ее ушах бешено заплясали. – Это манифест. Настоящий, дикий перформанс. Городской Вестник Природы выбрал меня в кофейне, чтобы оставить свой сакральный след. Мы слишком отделились от истоков в своих бетонных коробках, а это – живой принт свободы!

Ирина Эдуардовна медленно положила половник. Бухгалтерский ум, привыкший к четким дебетам и кредитам, наотрез отказался заносить голубиный помет в графу «высокое искусство».

– Сакральный след, говоришь? – Ирина Эдуардовна скрестила руки на груди. – В мое время это называлось «на тебя насрала птица, Наташа, быстро иди в ванную и застирай это с мылом, пока окончательно не въелось в ткань».

– Ты не понимаешь, это разрушает коммерческий глянец! – Натали попыталась отступить назад, защищая плечо рука-

ми, словно средневековый рыцарь щитом. – Это эксклюзив. Одежда должна жить, меняться, впитывать энергию мира!

– Твоя одежда сейчас впитает энергию отбеливателя, если ты не снимешь это добровольно, – отрезала мать, уже потянувшись к шкафчику с бытовой химией. – У меня сегодня запеченный поросенок с яблоками, и присутствие на ужине посторонней птичьей жизнедеятельности в мои планы не входит. Либо ты идешь мыться, либо этот твой «вестник свободы» будет ужинать на лестничной клетке.

Противостояние дикой природы и советской дезинфекции длилось недолго. Поняв, что перед лицом Ирины Эдуардовны бессильны и шаманы, и кочевники, и даже розовый кварц на шее, Натали тяжело вздохнула. Обреченно звеня серебром, она поплелась в ванную, на ходу отстегивая кольца с пальцев ног. Единение с природой пришлось временно отложить ради поросенка с яблоками.

Шоу дрессированных единомышленников

Останкинская студия № 4 пахла лаком для волос, валидолом и застарелым цинизмом. Над съемочной площадкой горело гигантское неоновое табло: «ВЕЧЕРНИЙ ЦУГЦВАНГ с Владимиром Рупором».

Сам Рупор – мэтр отечественного промывания мозгов, мужчина с лицом породистого бульдога и голосом библейского пророка – стоял перед зеркалом. Гримерша густо замазывала ему мешки под глазами. Владимир Моисеевич хмурился, листал сценарий. Опять генеральная линия партии совершила крутой вираж. Еще вчера мы дружили с Уганда-Бананией и хвалили их суверенитет, а сегодня у них сменился вектор, и они стали «рассадником неолиберального хаоса».

В студию покорно потянулись эксперты. Состав не менялся последние семь лет. Измениться он мог только в двух случаях: инфаркт или неосторожный твит.

Справа встал академик Костомаров – политолог с мировым именем, которое он сам себе и придумал. Слева расположился бывший депутат Зюзин, чья главная заслуга заключалась в умении вовремя и громко кричать «Позор!».

Чуть поодаль встал карикатурный «иностранный гость» – Майкл, экс-журналист из Айовы, о котором в самих США

никто даже слышал. Его держали на шоу исключительно для того, чтобы в него плевали фактами. Майкл исправно получал в кассе триста тысяч рублей за эфир и не обижался. Остальные трое экспертов были штатными перебежчиками из Украины, чьи имена зрители все равно никогда не запоминали.

Все они прекрасно знали правила игры. Главный догмат – генеральная линия – священен и неприкосновенен. Но если просто стоять и кивать два часа, зритель у экрана уснет, переключит канал на кулинарное шоу, и тогда – прощай, рейтинги, прощай, гонорары, здравствуй, забвение и лекции в провинциальных библиотеках. Нужна была драма. Нужен был накал.

Владимир Рупор вышел в центр студии. Режиссер взмахнул рукой. Загорелись камеры.

– Добрый вечер, великая страна! – загрохотал Рупор, хищно вглядываясь в объектив. – Сегодня мы поговорим о вероломном акте уганда-бананийской хунты. Они подняли пошлины на ввоз наших скрепок на целых ноль целых две десятых процента! Это удар в спину! Это цивилизационный вызов!

Эксперты дружно закивали, на лицах отразилась скорбь всего незападного мира.

«Господи, ну какой же идиот... – привычно подумал академик Костомаров, глядя на патетически раздувающиеся ноздри Рупора. – Скрепки мы у них же и закупаем, дубина

ты стоеросовая. Ладно, надо отрабатывать контракт».

– Но главный вопрос, который расколол наше общество, – Рупор сделал зловещую паузу, и свет в студии стал багровым. – Как именно мы должны ответить на этот плевок? Нам нужно немедленно выразить глубокую озабоченность или... заявить об озабоченности крайней степени?!

В студии повисла грозовая тишина. Эксперты поняли: фас. Начался санкционированный бойцовский клуб.

– Только крайняя степень! – взвился депутат Зюзин, брызгая слюной и наливаясь пунцовым цветом. – Костомаров предлагает проявить слабость! Просто глубокая озабоченность – это путь к капитуляции! Наш избиратель не простит нам мягкотелости! Мы должны ударить по ним всей мощью нашего дипломатического лексикона!

– Побойтесь бога, Зюзин! – Костомаров артистично схватился за сердце, его голос сорвался на благородный тенор. – Крайняя степень озабоченности – это объявление дипломатической войны! Вы хотите третьей мировой из-за канцелярских товаров?! Просто глубокая озабоченность – вот наш щит и меч! Это мудро, это взвешенно!

– Ах ты, соглашатель! Пятая колонна! – заорал Зюзин, наступая на академика и театрально засучивая рукава пиджака. – Ты на чью мельницу воду льешь, старый пень?!

Рупор в экстазе ударил кулаком по трибуне:

– А наш Центробанк? Он своими действиями подыгрывает врагам! Я не боюсь говорить об этом прямо!

«Боже, какой кретин... — думал в этот момент Майкл, глядя на багровеющего Рупора, который отбил себе кулак, в экстазе колотя по трибуне. — Опять на Центробанк лает. Да любой выпускник с дипломом финансиста поймет, что он несет чушь. Но зато каков посыл для плебса: смотрите, Рупор у нас оппозиционер, саму верхушку костерит, за народ радуется! Смелый, аж поджилки трясутся».

В Центробанке понимали эти правила игры и не обижались.

Зюзин и Костомаров вновь сцепились, на этот раз из-за цвета брошки и жакета, в которых Председатель ЦБ выходила на брифинги. Зюзин кричал, что глубокий зеленый — это скрытый сигнал ФРС о готовности сдать наши позиции перед долларом. Костомаров, ссаживая локти о трибуну, уверял, что это цвет огурца, символизирующий импортозамещение, и называл Зюзина «политическим слепцом» и «цветовым экстремистом».

— Тихо! — рявкнул Рупор, вставая между ними. Камера взяла его крупным планом. По лбу ведущего катился пот, глаза горели праведным гневом. — Мы не позволим расколоть наше единство! Майкл, а вы что улыбаетесь?! Вам смешно, когда рушится мировой порядок?!

Майкл послушно состроил испуганную гримасу и замямлил с наигранным акцентом:

— Но ведь пошщины... это просто бизнес... А огурец... иногда это просто огурец...

– Молчать! – хором рявкнули Костомаров и Зюзин, на секунду объединившись в священном порыве.

«Господи, какой же клинический идиот... – меланхолично размышлял Майкл, глядя, как Рупор начинает расхаживать по студии, цитируя Ивана Грозного и Канта вперемешку. – Но платит этот идиот исправно. Куплю жене вторую шубу, пускай думают, что в России дикари».

Два часа пролетели как один миг. Эксперты до хрипоты спорили, в какой цвет красить папку с протестной нотой – в темно-бордовый или официально-красный. Зюзин трижды назвал Костомарова предателем Родины, Костомаров дважды пообещал вызвать Зюзина на дуэль на толковых словарях. Рупор то воздевал руки к небу, то зловеще шептал, доводя зрителей у экранов до предынфарктного состояния. Судя по датчикам, рейтинг шоу пробил потолок.

– ...И помните! – чеканил Рупор в финальном монологе под торжественную музыку. – Правда на нашей стороне. И пусть враги захлебнутся своей озабоченностью! До встречи завтра!

Камеры погасли. Экранное табло потухло.

В ту же секунду ярость испарилась с лиц присутствующих, словно смытая дождем. Зюзин аккуратно поправил галстук и повернулся к Костомарову.

– Петр Сергеевич, ну вы сегодня высказались про цвет папки – до мурашек! Чистый МХАТ!

– Спасибо, Толенька. Ты тоже про «пятую колонну» мощ-

но задвинул, у меня аж куртка замшевая вспотела. Подвезешь до дома? У тебя же министерская с мигалкой.

– Конечно, Сергеич, прыгай.

Рупор, тяжело отдуваясь, подошел к ним, вытирая шею салфеткой.

– Ну что, орлы? Хорошо подержали градус. Завтра по плану – спор о том, с какой ноги наш министр должен выходить из самолета на саммите: с правой, в знак незыблемости, или с левой, чтобы запутать западные спецслужбы. Готовьте аргументы.

– Будет сделано, Моисеич! Тонкая тема, развернем дискуссию! – подобострастно закивали эксперты.

Шагая по длинному коридору Останкино, Костомаров и Зюзин молчали, но думали об одном и том же. Они думали о Рупоре, который остался в студии раздувать щеки от собственной значимости. «Боже, ну какой же идиот, какую порой ахинею несет...» – мысленно резюмировал Зюзин.

Аналитики на ходу доставали смартфоны, чтобы проверить просмотры в своих интернет-каналах. Живые деньги за эфир в кассе получали далеко не все. Те же украинцы даром работать принципиально отказывались. Несмотря на побег с «Неньки», с собой они захватили хуторянский менталитет, который требовал немедленной оплаты прямо у кассы. Впрочем, башляли им как бедным родственникам. Больше всех, конечно, получал Майкл – за амплуа главного «мальчика для битья» ему отсыпали щедрее всего.

Костомаров и Зюзин работали тоныше: телевизионная узнаваемость кормила их через миллионные госконтракты, закрытый консалтинг для губернаторов и дорогую рекламу в соцсетях. Вылететь из обоймы Рупора означало мгновенную медийную смерть и потерю всех бюджетов.

Эксперты прекрасно понимали: с этим павлином нельзя спорить всерьез, по-взрослому. Мэтр моментально влетал в амбицию, принимал любое несогласие за измену Родине и заносил в черный список. А остаться без главного ток-шоу страны означало политическую смерть и отлучение от сытного партийного бюджета. Поэтому завтра они снова придут и снова будут истошно орать друг на друга из-за полной ерунды.

Бестселлер эпохи перемен

В 1993 году на прилавках книжных магазинов России появилось невзрачное издание в мягкой обложке под названием «Гурия в Седьмом Б». Главным автором на обложке значился Пафнутий Кривоногов – отставной инструктор горкома по наглядной агитации. Писать Пафнутий не умел от слова «совсем», но очень хотел гонорар, поэтому его первоначальная рукопись представляла собой бессвязный набор канцелярских штампов и циркуляров.

Потенциал в этом коммерческом мусоре разглядел опытный редактор издательства Виктор Анатольевич Ш. – тихий пожилой человек, выращивавший огурцы на даче и бывший полным тезкой известного сатирика. Виктор Анатольевич полностью переписал книгу, превратив ее в динамичный хит, но взял с Кривоногова расписку о том, что на обложке они будут указаны как соавторы.

Сюжет повествовал о том, как обычный московский семиклассник Коля Соловьев нашел на свалке заброшенного завода старый персидский ковер. Решив выбить из него пыль, Коля случайно призвал прекрасную восточную волшебницу – пери по имени Гурия. Гурия тут же попыталась одарить спасителя караваном верблюдов, груженных шелком и пахлавой, прямо посреди Кутузовского проспекта. Однако суровые реалии девяностых взяли верх. Коля быстро объяснил

пери, что верблюды создадут пробку, а пахлаву без сертификата качества не примет ни один коммерческий киоск.

Вся книга была посвящена высокоидеологическому перевоспитанию магического существа. Коля и староста класса Света учили Гурию платить за проезд в трамвае вместо безбилетных полетов с помощью волшебных крыльев, сдавать наколдованное золото в госприемку и декларировать случайные доходы, а также уважать Конституцию и частную собственность.

В финале повести растроганная Гурия добровольно отказывалась от магии, под аплодисменты класса срезала свои шелковые крылья, принимала православие и устраивалась на работу младшим помощником бухгалтера в ЖЭК № 4. Это был апофеоз формирования идеального, незаметного российского гражданина. Истинное счастье – быть серым, законопослушным и не выделяющимся из толпы налогоплательщиком.

В начале двухтысячных британский «Гарри Поттер» попытался захватить умы российских детей, но «Гурия» камня на камне не оставила от западного конкурента. И в первую очередь – благодаря мощнейшему, хоть и завуалированному эротизму прекрасной восточной волшебницы. Такой козырь начисто отсутствовал как у британского очкарика, так и у бесполого советского Хоттабыча из повести 1938 года. Пока весь мир сходил с ума по Хогвартсу, отечественный читатель голосовал рублем за импортозамещение. Наша пе-

ри уже в третьей главе ловко ставила на место обнаглевших рыночных рэкетиоров с помощью заклинания невидимости и честно платила с полученных доходов НДСЛ.

Книга стала абсолютным бестселлером и была признана властями идеологически эталонной. Повесть зажила собственной, совершенно безумной жизнью. Поскольку она являлась главной скрепой детской литературы, ее сюжет был обязан чутко отражать актуальную геополитическую повестку. Сам Пафнутий писать новые варианты уже не мог в силу преклонного возраста и полной литературной профнепригодности. Поэтому Министерство образования наняло специальный штат анонимных авторов для планового редактирования текста прямо в типографии.

В издании 2008 года, на фоне обострения международных отношений, рыночные рэкетеры из третьей главы внезапно обрели выраженный грузинский акцент, а Гурия учила Колу, что кавказская магия должна строго подчиняться федеральному законодательству.

Чуть позже, в период короткой «Перезагрузки» на рубеже двухтысячных и десятых годов, Гурия охотно наколдывала Коле новейшие айфоны и билеты в Диснейленд, а мальчик весело кричал о дружбе между народами.

К 2014 году американские гаджеты и одежда из сюжета полностью исчезли. Им на смену пришли косоворотка, вологодское масло и тульский пряник ради идей импортозамещения. Заодно выяснилось, что персидский ковер, из которо-

го вылетела пери, был не персидским, а исконно крымским, ручной работы херсонесских мастеров. Была добавлена сцена, как красавица Гурия автоматически приобретала гражданство РФ по праву постоянного проживания на Крымском полуострове.

Во время похолодания отношений с Турцией в 2015 году сюжет совершил еще более резкий поворот. Гурия внезапно оказалась засланным агентом османской разведки. Она пыталась сорвать поставки газа, заколдовав плиту в Колиной квартире, из-за чего бдительный школьник незамедлительно сдавал ее в органы. Спустя пару лет конфликт был улажен, и в издании 2019 года главу снова переписали, заявив, что Гурию цинично подставили американцы, а сама она является символом многополярного мира и нашего стратегического партнерства на Востоке.

Но вскоре случилась финальная незадача. Пафнутий Кривоногов пришел переиздавать книгу как раз в тот момент, когда в стране активно заработал реестр иностранных агентов Минюста. Чиновники открыли титульный лист, увидели в соавторах Виктора Анатольевича Ш. и впали в ступор от мысли, что главная детская книга страны написана иноагентом. Пафнутий тщетно оправдывался, что его соавтор – мирный дачник, просто имеющий несчастливое совпадение личных данных. Разбираться никто не стал. Имя честного редактора намертво стерли с обложки ради сохранения политической линии, оставив Кривоногова гордым единоличным

творцом. Пафнутий благоговейно поехал по стране с творческими вечерами, рассуждая о «муках писательского ремесла».

В 2022 году книга претерпела самую жесткую партийную чистку. Коля Соловьев из обычного школьника превратился в кадета и теперь возглавлял волонтерский отряд по сборке гуманитарных грузов. Персидские верблюды, которых Гурия когда-то наколдывала на Кутузовском, превратились в «биолaborаторных гусей, засланных с Запада». А сама Гурия в финале больше не шла в ЖЭК – она вязала маскировочные сети из своих волшебных волос, полностью раскаявшись в несознательном мифологическом прошлом.

Сегодня на дворе 2026 год, и в книжные магазины поступило юбилейное переиздание повести. Книга раздобрела, налилась патриотическим свинцом и стала обязательной к прочтению в детских садах. На обложке по-прежнему гордо сияет имя престарелого Пафнутия Кривоногова. Сам старик уже плохо понимает, где находится, но исправно получает огромные роялти.

Пафнутий даже не догадывается, что за свою жизнь он умудрился написать и капиталистическую либеральную утопию, и антитеррористический триллер, и производственный роман о пользе жилищно-коммунального хозяйства. Когда на очередной презентации первоклассник спросил его, почему в первой главе Гурия дословно цитирует строчки из актуального Указа Президента о духовно-нравственных цен-

ностях, Кривоногов лишь загадочно улыбнулся и ответил:
«Это, мальчик мой, и есть настоящая магия предвидения».

Огненная женственность из хрущевки

Карты Таро на кухонном столе лежали с таким грозным видом, будто собирались потребовать у Рады объяснительную.

Рада поправила левое плечо трикотажного топа, которое упрямо сползало, обнажая татуировку в виде фаз луны, и сделала глоток остывшего латте на кокосовом. В ее жилах текла кровь истинной кочевницы – по крайней мере, так утверждал ее внутренний голос, когда она в очередной раз скупала в винтажных лавках ярусные юбки, способные вместить в себя небольшую цыганскую семью вместе с медведем.

Сегодня на ней были три юбки одновременно. Нижняя – из плотного льна цвета перспелой вишни, средняя – летящий шифон с огурцами «пейсли», и верхняя – черное кружево, которое Рада лично художественно порвала в двух местах для пущего «духа абсолютной свободы». При каждом ее шаге раздавался оглушительный звон: на запястьях Рады бились в экстазе двенадцать латунных браслетов, купленных на Удельном рынке.

– Твой пронзительный взгляд сегодня пугает даже кота, – заметила ее подруга Катя, осторожно пробираясь вглубь

хрущевки мимо связок сушеной лаванды и ловцов снов. — Что происходит?

Рада медленно подняла глаза. В ее зрачках, густо подведенных кайалом, отражалась вековая мудрость и легкий недосып.

— Я чувствую зов, Катя, — хрипло произнесла она, драматично взмахнув рукой. Браслеты грохнули, как упавший поднос в столовой. — Огненная женственность внутри меня требует выхода. Я не могу больше сидеть в этих четырех стенах. Моя душа жаждет костра, ветра в волосах и...

— И нормального мужика? — подсказала Катя, присаживаясь на край стула и брезгливо отодвигая пальцем пучок пыли.

— ...и тотального освобождения от оков патриархального урбанизма! — строго закончила Рада. — Сегодня полнолуние. Я выйду на улицу и позволю року вести меня.

Рок в лице тридцать третьего автобуса везти Раду отказался: кондукторша заявила, что «женщина в карнавальном костюме с таким количеством звенящего железа нарушает общественный покой». Пришлось Раде пробуждать дух абсолютной свободы пешком.

Она шла по вечернему спальному району, и это было величественно. Юбки взметали пыль с асфальта, крупные серьги-кольца колотили ее по щекам при каждом порыве ветра, а в кармане зловеще перекачивался кусок необработанного аметиста для защиты от сглаза. Мужчины оборачи-

вались. Рада знала, что их привлекает эта дикая, первозданная красота с капелькой мистики.

Один парень на самокате засмотрелся на ее летящий подол так сильно, что едва не снес урну. Рада проводила его пронзительным взглядом роковой гадалки. Парень перекрестился и прибавил скорость. «Слабак, испугался ведьмы», – удовлетворенно подумала она.

Возле местного супермаркета Рада уловила Тот Самый Знак. Навстречу ей шел ОН. Настоящий барон местной лесопилки или как минимум рок-музыкант в душе: кожаная куртка, небрежные кудри и взгляд человека, который тоже познал вкус свободы (или просто забыл дома кошелек).

Рада затормозила. Юбки по инерции облепили ее ноги, создавая идеальный силуэт огненной богини. Она вскинула подбородок, звякнула монистами на шее и посмотрела на него так, словно видела всю его карму до седьмого колена.

– Остановись, путник, – прошептала она, добавив в голос немного хрипотцы и магии. – Твои дороги запутаны, но я вижу твой путь.

Путник остановился. Он посмотрел на Раду, потом на ее три юбки, потом на серьги размером с чайное блюдце.

– Девушка, – тихо сказал он, оглядываясь по сторонам. – Вы из табора отбились? Или у вас тут съемки?

– Это – зов крови! – гордо ответила Рада. – Я – ветер, который нельзя поймать. Я – огонь, который обожжет любого, кто посмеет...

В этот момент дух абсолютной свободы сыграл с Радой злую шутку. Резкий порыв ветра подхватил верхнюю кружевную юбку и намотал ее на ручку стоявшей рядом магазинной тележки. Рада попыталась сделать грациозный шаг назад, но латунный браслет намертво зацепился за бахрому ее же собственной шали.

Раздался металлический треск. Тележка покатилась. Рада, скованная собственным великолепием, зашаталась как Пизанская башня.

– Осторожно! – крикнул «барон».

Вместо того чтобы взлететь птицей, Рада с глухим звоном браслетов и шуршанием ста метров шифона рухнула прямо в кусты декоративного шиповника у входа.

Мистика испарилась за долю секунды. На поверхности куста остались торчать только массивные замшевые сапоги с бахромой и три слоя юбок, из-под которых доносилось глухое, но очень отчетливое цыганское проклятие на чистом русском языке.

«Барон» оказался парнем отзывчивым. Пять минут он молча и сосредоточенно распутывал кружева, латунные кольца и ветки шиповника. Наконец, он вытащил Раду на свет божий. Ее волосы, украшенные перьями, теперь обогатились еще и сухими листьями, а на носу красовалась царापина.

– Ну что, огонь-женщина, – улыбнулся спаситель, протягивая ей отвалившуюся крупную серьгу. – Карма говорит,

что нам пора выпить по кофе. Тут за углом варят отличный, на песке. Почти как у костра.

Рада поправила съехавшие браслеты, гордо откинула волосы назад и посмотрела на него своим фирменным пронзительным взглядом. Огненную женственность и каплю мистики хрен сломаешь какими-то кустами.

– Ладно, – согласилась она, стараясь не звенеть слишком сильно. – Но гадать я тебе буду по чеку. У меня сегодня сильные вибрации.

И они пошли в закат, под тихий, торжественный звон множества браслетов.

Не надо пакет!

Пятничный вечер в гипермаркете заиграл новыми красками, когда к кассе №4 подошел Эдуард. На его лице читалась решимость полководца, идущего на штурм. Своим бравым видом он сразу привлек внимание кассирши таджички Гули, которая до этого мирно впадала в транс под пиканье сканера.

Эдуард залез в карман куртки, извлек оттуда пятидесятую купюру, а затем с грохотом вывалил на ленту... тридцать три пачки презервативов. Ровно. Тридцать три. Как богатыри в сказке.

Очередь сзади, состоящая из усталых дачников с саженцами, мгновенно взбодрилась. Мужчина с рулоном обоев даже уронил свой клей.

Гуля зависла. Она посмотрела на гору латекса, потом на худощавого Эдуарда в очках с толстыми линзами. В ее глазах читался сложный математический расчет: выживет ли человек после такого марафона?

– Молодой человек... – осторожно начала Гуля, перебирая пачки пальцем. – Вы их солить собираетесь? Или у вас там корпоратив?

– У меня отпуск, – гордо и громко, чтобы слышали все завистливые мужчины в радиусе пяти метров, объявил Эдуард. – Тридцать три пачки, пожалуйста. Все верно. Огласите весь список, я готов оплатить этот праздник жизни.

Гуля пожала плечами. Хозяин – барин. Она начала методично, с чувством пробивать каждую пачку. Пик. Пик. Пик. Звук разносился по всему магазину как удары свадебного колокола. Очередь затаила дыхание. Дедушка позади Эдуарда уважительно снял кепку.

Когда последняя, тридцать третья коробка была пробита, Гуля, строго следуя инструкции кассового аппарата, на автомате спросила:

– Пакет надо?

Эдуард, все еще находившийся в образе непобедимого альфа-самца, снисходительно улыбнулся. Он вспомнил лицо своей Жанны – ангельские черты, безупречный макияж и улыбку топ-модели, которая прямо сейчас ждала его на парковке. Образ Жанны и копеечного пластикового пакета с логотипом супермаркета никак не увязывались в его голове.

Он картинно облокотился на кассу и томно произнес:

– Пакет? Нет, что вы. Она у меня красивая.

В этот момент на кассе воцарилась такая тишина, что было слышно, как в рыбном отделе падает лед.

Гуля медленно опустила сканер. Мужчина с обоями тихонько всхлипнул. Очередь переглянулась с немим ужасом. До всех, кроме Эдуарда, мгновенно дошел двойной смысл этой фразы в контексте тридцати трех упаковок.

Гуля посмотрела на Эдуарда с дикой смесью уважения, жалости и легкого отвращения.

– Послушай, дорогой, – тихо, почти шепотом сказала она.

– Если она у тебя красивая... пакет, конечно, не надо. Но при таком раскладе ты ей лучше крем от мозолей купи. И себе парочку. А то до конца отпуска вы оба просто сотретесь.

Эдуард, сгребая пачки в охапку, только у выхода сообразил, почему охранник на выходе перекрестил его вслед и прошептал: «Спи спокойно, брат».

Теория одинаковых мужчин

В пятницу вечером в баре «Уставший муж» заседал традиционный синклит. За столиком в углу сидели четверо: Толик, Боря, Геннадий и Паша. Они были разного возраста, комплекции и профессий, но объединяло их одно – глобальная, экзистенциальная одинаковость.

– Мужики, – вздохнул Толик, лениво ковыряя вилкой гренку. – Жизнь – это колесо сансары. Приходишь домой, снимаешь носки. Один кладешь на тумбочку, второй – под диван. Ну классика же? И тут начинается ор.

Боря и Геннадий синхронно кивнули. Паша, как самый молодой и женатый всего полгода, робко вставил:

– А я в корзину бросаю...

– Это временно, – отрезал мудрый Геннадий. – Это демоверсия. Скоро ты ассимилируешься. Мы все сотканы из одного теста, Паша. Мы все любим посидеть в туалете с телефоном по сорок минут, пока ноги не затекут. Мы все не можем найти майонез, если он стоит не на уровне глаз, а чуть левее. Мы одинаковые, как кирпичи на стройке.

– Это да, – согласился Боря. – Моя вчера кричит из кухни: «Боря, куда ты дел соль? Где она?». А я лежу на диване и отвечаю: «Там». И ведь искренне уверен, что помог!

– Вот! – Толик поднял палец. – Мужской код безупречен и неизменен со времен неолита. Мы – константа этой вселен-

ной. Но вот наши жены... Мужики, откуда в них столько полярных различий? Они как будто с разных планет, причем из разных галактик.

За столом воцарилось оживление. Теория Толика требовала немедленных доказательств.

– Моя Люська, – начал Толик, – это генерал-лейтенант панических войск. Если я не беру трубку три минуты, она мысленно меня хоронит, делит имущество и пишет заявление в Гаагский трибунал. Вчера я задержался на заправке. Прихожу – она сидит в черном платке, пьет корвалол и выбирает мне памятник в каталоге. Увидела меня живого – устроила скандал, что я испортил ей такой драматический сюжет!

– Счастливый ты, – вздохнул Боря. – Моя Лена – это ходячий калькулятор эффективности и осознанности. Захожу я, значит, в комнату. В одном носке, в руке пульт, в глазах – мысль о вечном. Ну, обычный мужчина в естественной среде обитания. Она смотрит на меня и говорит: «Борис, твоя деструктивная прокрастинация разрушает наши семейные чакры. Иди почисти картошку, сублимируй энергию». Я слово «сублимируй» гуглил дольше, чем картошку чистил! Она даже кота ругает за то, что у него «низкий КПД по ловле мышей».

Геннадий горько усмехнулся и сделал глоток из бокала.

– Радуйтесь, пацаны. У вас хотя бы предсказуемо. Моя Марина – это агент под прикрытием. У нее перманентный разговор. Купил я вчера хлеб. Обычный батон. Она посмотрела

на него, потом на меня прищурилась и спрашивает: «И что это значит?». Я говорю: «Это хлеб, Мариша. Мы его едим». А она мне: «Не держи меня за дуру. Ты купил батон именно этой марки, потому что подсознательно искал батон под хлебницу своей мамочки! Это подсознательный бунт против моей кулинарии!». Я три часа сидел на кухне и чувствовал себя шпионом, который провалил явку.

Все трое посмотрели на Пашу. Тот замялся, покраснел, но решил выговориться:

– А моя Света... Она дизайнер. Эстет. Я вчера прихожу с работы, устал как собака. Ляпнул куртку на пуфик. Она подходит, смотрит на эту куртку со слезами на глазах и шепчет: «Павел, этот оттенок хаки буквально уничтожает концепцию нашего скандинавского минимализма. Ты совершил визуальное преступление». И ушла плакать в ванную. Я эту куртку потом в темноте на балкон выносил, как труп, чтобы интерьер не оскорблять.

Мужчины молча переглянулись. В зале повисла тяжелая, но понимающая пауза. Четыре абсолютно одинаковых человека, совершающих абсолютно одинаковые действия, столкнулись с четырьмя совершенно разными мирами: Военно-драматическим, Научно-эзотерическим, Конспирологическим и Высокохудожественным.

– Да уж, – подытожил Толик, подзывая официанта. – Права была моя бабушка. Все мужики сделаны по одному чертежу на заводе «Стандартмаш». А вот комплектация жен у

всех эксклюзивная, ручной сборки, без инструкции по эксплуатации.

– И без гарантийного талона, – добавил Боря.

Они допили напитки и начали собираться. Четыре одинаковых телефона на столе синхронно пискнули. Четыре одинаковых мужа одновременно вздрогнули и полезли в карманы.

Толику пришло: «Где ты?! Я уже обзвонила морги!»

Боре: «Не забудь забрать из пункта выдачи триггеры для расширения сознания»

Геннадью: «Я знаю, зачем ты задерживаешься. План раскрыт»

Паше: «Купи салфетки. Но только цвета "пыльная роза", иначе они не встанут в диспенсер»

Мужчины переглянулись, одинаково вздохнули, одинаково пожали друг другу руки и побрели каждый в свою, абсолютно уникальную вселенную.

*

Через неделю четыре одинаковых кирпича из завода «Стандартмаш» снова сидели в том же баре. На повестке дня стоял извечный вопрос: как выжить в мире, где мужской софт у всех один, а женские операционные системы обновляются каждый день и без предупреждения.

– Мужики, я совершил подвиг, – гордо объявил Толик, пододвигая к себе сухарики. – Я взломал систему Люськи. Помните ее панические атаки, если я недоступен? В среду

у меня сел телефон. Я понял: если приду домой просто так, застаю у подъезда ОМОН и батюшку с кадилом.

– И что ты сделал? – подался вперед Паша.

– Я зашел в цветочный, купил три гвоздики и завернул их в газету «Советский спорт». Прихожу. Люська в слезах, бледная, уже держит в руках валидол. И тут я с порога падаю на колени и кричу: «Прости, любимая! Меня похитили цыгане, хотели продать в табор за долги, но я сбежал через окно по водосточной трубе! Вот, отобрал у их барона цветы для тебя!».

– И как? – ахнул Боря.

– Идеально! – просиял Толик. – Ее военно-драматическая душа получила законный катарсис. Она весь вечер меня обнимала, плакала и обрабатывала перекисью абсолютно целые колени. Мораль: панику нужно кормить качественным контентом.

Геннадий скептически хмыкнул.

– Твоей Люське нужна драма, а моей Марине – логика заговора. Твой трюк у меня бы не прошел. Если бы я пришел с цыганскими гвоздиками, она бы заперла меня в подвале как иностранного агента. Но я тоже выработал стратегию.

– Поделись, Гена, – попросил Боря. – Мне для расширения кругозора надо.

– Короче, – Геннадий понизил голос. – В четверг я забыл купить сметану. Катастрофа. Код красный. Прихожу, Марина смотрит на меня взглядом следователя НКВД: «Сметаны

нет. Это потому, что ты хочешь, чтобы у меня развился дефицит кальция? Кому ты сливаешь информацию о моем здоровье?».

– И что ты ответил?

– Я посмотрел по сторонам, подошел к ней вплотную и прошептал на ухо: «Мариша, в магазине за мной следили. Продавщица подмигнула три раза – это шифр. Сметана отравлена иллюминатами. Нас хотят устранить. Я спас нам жизнь». Мужики, она впервые в жизни обняла меня без подозрений! Теперь мы едим борщ без сметаны, но в полной идеологической гармонии.

Боря грустно вздохнул и покрутил в руках бокал.

– Вам весело. А у меня дома – тотальный аудит душевного равновесия. Моя Лена вчера заявила, что у нашего шкафа-купе «тяжелая застойная энергетика», и его нужно передвинуть по фэншую. А шкаф, на минуточку, из цельного дуба. Три метра в длину. Я, как нормальный мужчина, два часа пытался доказать ей законы физики. Сорвал спину. Шкаф не двинулся ни на миллиметр.

– И как ты решил вопрос? – спросил Паша.

– Психанул. Насыпал в карманы мелочи, незаметно разбросал по углам комнаты и сказал, что активировал зону богатства прямо у дивана. Лена проверила по своей книжке – совпало! Шкаф остался на месте, а мне разрешили лежать на диване с чистой кармой. Лишь бы деньги из карманов не кончились.

Все посмотрели на Пашу. Молодой муж выглядел помятым, но в глазах горел огонек безумия.

– А я, кажется, сломал свою художницу, – тихо произнес он. – Помните салфетки цвета «пыльная роза»? Я пришел в супермаркет. Там были только белые. Обычные, прямоугольные, за тридцать рублей. Я представил лицо Светы, эстетический шок, похороны скандинавского минимализма... И меня переклинило.

– Что ты сделал, Паш? Не пугай нас, – напрягся Толик.

– Я купил белые салфетки. Принес домой. Заперся в ванной. Взял ее палетку с дорогими французскими румянами за пять тысяч рублей... и кисточкой вручную покрасил каждую салфетку в благородный пепельно-розовый цвет.

В баре наступила мертвая тишина. Даже официант замер с подносом.

– Ну и?.. – прошептал Геннадий.

– Света была в восторге, – безумно улыбнулся Паша. – Сказала, что у меня наконец-то прорезалось чувство прекрасного. Правда, теперь я должен красить румянами туалетную бумагу, чтобы она подходила под цвет кафеля. А румяна кончаются. И моя зарплата тоже.

Мужчины молча допили свои напитки. Четыре одинаковых стандартных мужа сидели и думали об одном и том же: эволюция – штука несправедливая. Мужской вид застрял на стадии «добыл мамонта – принес в пещеру», в то время как женский вид улетел в глубокий космос.

На столах снова одновременно пискнули телефоны.

Толику: «Толя, по радио сказали, что на город идет метеоритный дождь! Я собираю тревожный чемоданчик, где твои паспорта?!» (Толик улыбнулся: «Мой выход»).

Геннадию: «Соседка снизу как-то странно со мной поздоровалась. Выясни, на кого она работает» (Геннадий поправил воображаемые погоны: «Задание принято»).

Боре: «Борис, я чувствую, что ретроградный Меркурий блокирует твой финансовый поток. Срочно обними кота три раза» (Боря потер поясницу: «Кот так кот, это легче шкафа»).

Паше: «Павлик, я купила новую скатерть цвета "утренний туман в Киото". Проверь, сочетаются ли с ней твои носки» (Паша тихо заскулил).

Они встали, слаженно расплатились и вышли на улицу. Четыре абсолютно одинаковых человека растворились в сумерках, отправляясь спасать свои уникальные, непостижимые вселенные.

*

Идея отправить четыре столь колоритных семейных союза в совместный отпуск в Турцию принадлежала, разумеется, женам. Мужчины, как одинаковые детали одного конструктора, мечтали лишь об одном: лежать на шезлонгах в позе морских котиков, пить холодные напитки и синхронно смотреть на море. Но у их уникальных половин были совершенно другие планы на этот All Inclusive.

В первый же день на пляже концепции миров столкнулись на площади в тридцать квадратных метров.

Толик, Боря, Геннадий и Паша заняли четыре лежака в ряд. Они были в одинаковых солнцезащитных очках, одинаковых шортах и с одинаковым выражением абсолютного блаженства на лицах. Мужская идиллия длилась ровно семь минут, пока не пришли они.

– Толя! – Люська, намотав на голову полотенце в виде глухого шлема, панически осматривала горизонт. – Ты видел эти волны? Это цунами! Вон та лодка с парашютом – это же смертники! Если тебя утянет обратным течением, помни: не борись, плыви параллельно берегу! И не вздумай глотать воду, там холера, ротавирус и акулы-вегетарианки, которые от голода сошли с ума!

Толик послушно натянул кепку до носа. Он уже знал, что спорить бесполезно.

– Люсенька, я привязал себя полотенцем к ножке лежака. Спасательный жилет под головой. Я в домике.

Рядом послышался глубокий вздох Лены, жены Бори. Она сидела в позе лотоса прямо на горячем песке, игнорируя шезлонг.

– Люся, твоя тревожность блокирует чакру анахату всего пляжа, – мягко, но строго заметила она. – Посмотри на море. Это чистая энергия воды. Борис, почему ты лежишь спиной к солнцу? Твой дефицит витамина D3 кричит о себе на клеточном уровне! Встань, соверши суфийское кружение

навстречу приливу. Нам нужно синхронизировать биоритмы с этим курортом.

Боря, у которого от слова «кружение» закружилась голова, поглубже зарылся пятками в песок.

– Ленусь, у меня сейчас происходит пассивная медитация. Я впитываю космос через пятки. Не мешай процессу.

В этот момент из-за кустов субтропических растений нарисовалась Марина, жена Геннадия. На ней были огромные черные очки и широкополая шляпа. Она подошла к лежакам на цыпочках и наклонилась к мужу.

– Гена, – прошептала она, озираясь. – Аниматор в костюме гигантского чебурашки слишком долго смотрел на наш номер. И почему у него левое ухо наклонено на три градуса ниже правого? Там явно скрытая камера. Нас пасут, Гена. Конкуренты пронюхали про твой завод. И почему на ресепшене парень улыбался именно тебе? Какой пароль от сейфа ты ему сдал взглядом?

Геннадий, не снимая очков, серьезно ответил:

– Мариша, я проверил чебурашку. Это агент интерпола под прикрытием. Он охраняет наши инвестиции. Расслабься, объект под контролем.

Марина удовлетворенно кивнула и пошла делать вид, что читает журнал, незаметно наблюдая за ростовой куклой.

Хуже всех пришлось Паше. Его Света стояла над ним, держа в руках соломенную шляпку, три парео разного цвета и портативный вентилятор. В ее глазах стояли слезы эстетиче-

ского разочарования.

– Паша... Этот пляж – это катастрофа. Посмотри на эти зонтики. Этот жуткий, вульгарный синий цвет! Он полностью уничтожает природный колорит средиземноморской лазури! А твой крем от загара? У него белая текстура, которая ложится на твою кожу неэстетичными пятнами. Ты выглядишь как недорисованный холст эпохи раннего кубизма. Пойдем отсюда. Я нашла дикий пляж с идеальной галькой цвета «мокрый асфальт». Там мы сделаем атмосферный кадр.

Паша, у которого уже обгорел нос, покорно встал, взял три сумки, надувного матраса-единорога и побрел за своей художницей, оставляя друзей на произвол судьбы.

Вечером четыре одинаковых мужа встретились у стойки бара у бассейна. Они заказали четыре одинаковых напитка, одновременно сделали по глотку и синхронно вздохнули.

– Ну что, мужики, – протянул Толик. – Моя Люська на ужине нашла в салате подозрительный листик и объявила биологическую тревогу. Мы провели два часа в номере, дезинфицируя желудки местным аналогом виски.

– А моя Лена, – разлил тоску Боря, – запретила мне есть люля-кебаб. Сказала, что у этого мяса «агрессивная карма убиенного барашка». Пришлось есть тушеный кабачок и мысленно просить прощения у вселенной за то, что я хочу жрать.

– Это ладно, – хмыкнул Геннадий. – Марина обнаружила,

что горничная крутит полотенца в виде лебедей. Знаете, что это значит? Это масонский знак! Лебеди смотрят клювами на балкон соседа! В итоге я весь вечер переставлял мебель в номере, чтобы запутать следы потенциальной слежки.

Паша пришел позже всех. В его волосах застряли водоросли, а на щеке был след от ракушки.

– Мужики... Дикий пляж – это прекрасно. Но там не было навеса. Света заставила меня три часа держать над ней пляжный зонт, чтобы тень падала под правильным углом для ее блога. Я теперь чувствую себя не мужем, а деталью интерьера. Эдакий живой торшер в стиле хай-тек.

Они чокнулись бокалами. Вокруг шумела турецкая ночь, играла музыка, а у бассейна четыре совершенно разные женщины искали своих одинаковых мужей.

Люська бежала со спасательным кругом наперевес.

Лена шла, светясь в темноте от избытка очищенных чакр.

Марина кралась вдоль колонн, подозревая диджея в связях с МИ-6.

Света несла новые шорты цвета «увядающая сакура», требуя немедленной примерки под неоновым светом.

Четыре мужа допили напитки, одинаково улыбнулись официанту, одинаково развели руками и пошли каждый к своему персональному, эксклюзивному и такому любимому сумасшествию.

*

Отпуск подходил к концу. Международный аэропорт Ан-

талы гудел, как встревоженный улей. Рейсы задерживали, объявления гремели на пяти языках, а у стоек регистрации образовалась эпическая давка.

В этой суматохе четыре семейные пары – жертвы турецкого All Inclusive – едва успели заскочить в автобус до самолета, на ходу хватая чемоданы и детей. Паспортный контроль прошли в режиме терминатора. В салон лайнера все завалились абсолютно обессиленными.

Из-за сбоя в системе билеты на самолет им выдали в разные концы салона. Мужчины, не глядя, рухнули на кресла, натянули на глаза одинаковые маски для сна, воткнули наушники и мгновенно уснули богатырским сном одинаковых, уставших мужей. Жены, измотанные шоппингом и стрессом, тоже не стали разбираться, кто где сидит, и проспали все три часа полета.

Катастрофа библейского масштаба вскрылась уже в Москве, на парковке аэропорта Внуково. Когда четыре пары наконец собрались у микроавтобуса-такси, маски были сняты, очки подняты, и в тусклом свете подмосковного вечера все онемели.

Произошел Великий Обмен. Из-за путаницы в билетах и багаже жены забрали из самолета не тех мужей. Света (дизайнер) крепко держала за руку Толика. Люська (паникерша) прижималась к плечу молодого Паши. Лена (эзотерик) заботливо поправляла воротник Геннадия, а Марина (конспиролог) бдительно сканировала пространство, стоя спиной к

Боре.

– Ой, – пискнула Света, посмотрев на Толика. – А где Паша?

– Секунду... – Люська в ужасе отпрянула от Паши. – Ты кто?! Где мой Толя?!

На парковке повисла зловещая тишина. Четыре женщины приготовились устроить четыре абсолютно разных, разрушительных скандала. Но тут произошло то, чего никто не ожидал. Мужчины переглянулись. В их одинаковых глазах зажглась одна и та же спасительная, гениальная мысль. Мужской софт завода «Стандартмаш» выдал идеальное пакетное решение.

Толик перехватил инициативу первым. Он мягко взял заплаканную Свету за руку, посмотрел на ее дизайнерскую сумочку и уверенно сказал:

– Светик, не переживай. Этот оттенок вечернего подмосковного неба... он идеально гармонирует с цветом твоих глаз и полностью нивелирует урбанистический хаос этой парковки. Пойдем, я понесу твой чемодан. Он, кстати, прекрасной геометрической формы.

Света замерла. Ее эстетическая душа, привыкшая годами выбивать из Паши хоть каплю вкуса, получила мгновенный оргазм. Она восхищенно выдохнула и послушно пошла за Толиком.

В этот момент Паша повернулся к готовой разрыдаться Люське. Он решительно обнял ее за плечи и зашептал на ухо:

– Люся, без паники! Я проверил этот микроавтобус. Водитель – профессионал первого класса, шины новые, тормозные колодки заменены вчера. Вероятность аварии – 0,001%. Если начнется метеоритный дождь, у меня в рюкзаке два термоодеяла и запас валидола на месяц. Я контролирую ситуацию.

Люська захлопнула рот. Ей впервые в жизни не пришлось три часа доказывать мужу, что они все умрут. Ей сразу выдали готовый план спасения. Она всхлипнула, улыбнулась и схватила Пашу под руку, как родного.

Геннадий тем временем повернулся к Лене, которая уже собиралась читать мантру для очистки кармы.

– Елена, – строго сказал Гена. – Я чувствую, что энергетика этого такси заблокирована. Но я только что силой мысли и правильным распределением векторов перенаправил финансовый поток прямо в наш левый карман. Шкаф дома я передвину по фэншую за две минуты. Земная гравитация сегодня на нашей стороне.

Лена посмотрела на него как на просветленного гуру.

– О, Геннадий... Твоя чакра третьего глаза сияет, – прошептала она и послушно полезла в салон.

Остался Борис. Он медленно повернулся к Марине, которая уже подозревала, что ее мужа похитил Моссад и подменил двойником. Боря прищурился, огляделся по сторонам и тихо сказал:

– Мариша. Молчи. Нас подслушивают. Обмен был спла-

нирован спецслужбами, чтобы запутать хвост интерпола. Твой настоящий муж сейчас выполняет секретное задание в параллельном ряду кресел. Я – твой связной на эту неделю. Пароль: «Сметана без иллюминатов». Быстро садись в машину, уходим от слежки.

Глаза Марины расширились от восторга. Это был лучший вечер в ее жизни. Заговор был официальным! Она прыгнула в автобус, прикрывая лицо воротником.

Дверь микроавтобуса захлопнулась. Машина тронулась.

Четыре мужа сидели на заднем сиденье. На их плечах счастливо спали чужие, но теперь абсолютно довольные жены. Мужчины переглянулись, одинаково улыбнулись и синхронно подмигнули друг другу.

Оказалось, что все мужчины действительно одинаковые – это универсальные адаптеры со стандартным разъемом. И если мужской софт достаточно гибок, он идеально подходит к любой, даже самой сложной и уникальной женской комплектации. Главное – вовремя подобрать нужные слова.

Тихий прораб

Прораб Степан Петрович пользовался на стройке непре-
рекаемым авторитетом и имел репутацию человека святой
души. За тридцать лет трудового стажа от него не слышали
ни одного матерного слова. Даже когда трезвый крановщик
уронил поддон с кирпичом на его новенькую «Ладу», Сте-
пан Петрович лишь прикрыл глаза, глубоко вздохнул и тихо
произнес: «Ой, как нехорошо получилось».

Молодые строители смотрели на него как на пророка, а
руководство ставило в пример на каждом собрании. Правда,
на той самой стройке творились странные вещи.

В моменты, когда Степан Петрович сердился, в радиусе
ста метров начинали происходить чудеса. Сначала у бетон-
щиков закипал чайник, даже не будучи включенным в розет-
ку. Потом у всех поголовно закладывало уши, как в самолете.
Но хуже всего приходилось местной фауне. Стоило про-
рабу прийти на объект, где штукатуры опять завалили углы,
как все бродячие собаки в округе начинали выть от ужаса и
со всех ног бежали в соседний район. Вороны падали с забо-
ров в глубокий обморок, а летучие мыши, обитавшие в под-
вале, спешно паковали чемоданы и улетали на ПМЖ в го-
родскую канализацию.

Разгадка тайны пришла неожиданно. На стройку с пла-
новой проверкой приехал инспектор по охране труда – ин-

теelligentный юноша в очках по имени Арсений. С собой у него был ультрасовременный цифровой прибор для измерения уровня шума и вибраций на рабочем месте.

В разгар проверки каменщик Сидоров умудрился замуровать в стену обеденный термос Степана Петровича. Прораб подошел к кривой кладке, заложил руки за спину и молча уставился на Сидорова. Лицо Степана Петровича стремительно наливалось пунцовым цветом, вены на шее вздулись, а губы начали мелко-мелко дрожать, хотя из его рта не доносилось ни звука.

В ту же секунду прибор в руках инспектора Арсения истошно запищал. Экран замигал красным, показывая критическую перегрузку в диапазоне от 25 до 40 килогерц. Арсений спешно надел наушники, перевел прибор в режим расшифровки и замедления частоты, после чего лицо его плавно залила мертвенная бледность.

Из динамика раздался сочный, трехэтажный мат, очищенный от ультразвукового сжатия и имеющий такую конструкцию и плотность, что у Арсения мгновенно запотели очки. Степан Петрович не просто ругался – он транслировал в стратосферу высокочастотные лингвистические шедевры, способные разрушать кристаллическую решетку бетона. За две секунды молчаливого созерцания прораб успел упомянуть маму Сидорова, его генеалогическое древо до седьмого колена, а также технические характеристики кривой стены.

Когда Степан Петрович выдохнул и снова стал мирным

человеком, он ласково сказал вслух:

– Ну что же ты, Сидоров. Поспешность нужна только при ловле блох. Разбирай.

Сидоров послушно схватился за киянку. Арсений все еще дрожащими руками выключил прибор, посмотрел на прораба с глубочайшим уважением и тихо шепнул коллеге:

– Теперь понятно, почему у нас штукатурка со стен осыпается. Это не нарушение технологии. Это акустический удар.

С тех пор Степана Петровича берегли всей бригадой. Ведь если бы он хоть раз сматерился в обычном, звуковом диапазоне, на стройке просто рухнули бы перекрытия.

Внутренний кордебалет

Марго Николаевны

Маргарита Николаевна не просто работала главным бухгалтером в автопарке №4, она несла эту службу как пожизненный бенефис на подмостках провинциального кабаре. Для нее не существовало понятия «будничный гардероб». Каждый ее визит в планово-экономический отдел превращался в грандиозный выход, где строгость производственного этикета разбивалась о безупречно затянутый атласный корсет, упрямо выпирающий из-под форменного жакета.

Марго Николаевна передвигалась по щербатому линолеуму конторы на двенадцатисантиметровых шпильках, чей победный цокот заставлял суровых слесарей ронять гаечные ключи. Ее макияж бросал вызов тусклому свету люминесцентных ламп: стрелки на веках стремились к вискам с решительностью карьерного роста, а губы пылали цветом спелой вишни, готовой к драматическому монологу.

Да ладно гардероб – само ее рабочее место было филиалом гримерной. Вместо банального настольного вентилятора Марго использовала огромный веер из страусиных перьев густого пудрового оттенка, которым она обмахивала годовые отчеты с таким видом, словно это были любовные послания от парижских герцогов, а не сметы расходов на солянку.

Каждый рабочий день Марго строился по законам классического бурлеск-шоу, где главным элементом была виртуозная игра со зрителем. Основным и самым преданным ее зрителем поневоле стал директор автопарка, Михалыч – мужчина комплекции бульдозера и с таким же прямолинейным характером.

Стоило Михалычу влететь в бухгалтерию с грозным ревом по поводу потерянной накладной на новые покрышки, как Марго включала тяжелую артиллерию театрализованной женственности. Она не бросалась судорожно перерывать бумаги. О нет, она поднималась со стула медленно, с кошачьей грацией укротительницы хищников, делая глубокий, драматический вдох, отчего ее корсет издавал едва слышный, но многообещающий треск.

Марго брала нужную папку кончиками пальцев, словно это был драгоценный артефакт, и плавно, глядя на директора из-под пушистых накладных ресниц, протягивала документ. В этот момент она, как бы невзначай, роняла на пол перьевую ручку. Ее наклон за этой ручкой был шедевром хореографии: спина оставалась безупречно прямой, бедра описывали полукруг, а на лице блуждала полуулыбка Саломеи.

Михалыч моментально забывал слова «дефицит» и «перерасход», шумно сглатывал и принимался судорожно поправлять свой выдавший виды галстук, чувствуя себя посетителем закрытого парижского клуба.

Настоящий триумф Марго и ее личной философии слу-

чился во время внезапной налоговой проверки. К ним прислали молодого инспектора – бледного юношу в сером костюме-тройке, чье лицо выражало абсолютную неподкупность и легкое отвращение к миру коммерции. Он сел за свободный стол, обложился актами сверки и приготовился работать.

Марго поняла, что сухие цифры здесь не помогут, и пришло время для истинной самоиронии. Она вызвалась лично принести ревизору чай. Процесс подачи напитка превратился в изысканный гротеск: Марго снимала крышку с сахарницы с таким завлекающим придыханием, словно легким движением руки сбрасывала длинную шелковую перчатку. Юный инспектор густо покраснел и вцепился в свой карандаш.

В довершение перформанса Марго, слишком увлекшись томным взмахом своего страусинового веера, случайно задела им гигантскую стопку архивных ведомостей. Бумаги красивым веером взмыли в воздух, имитируя роскошный салют из конфетти, и засыпали ошарашенного налогового с головой.

В любой другой бухгалтерии за такое последовал бы скандал, но Марго была рождена для бурлеска. Она не стала испуганно собирать листы. Вместо этого она картинно замерла, уморительно скосила глаза к носу, прижала ладонь в кружевной митенке к груди и драматично прошептала на весь кабинет, что сегодня она ветренее июньского сирокко, и всему виной гипнотическая магия его строгого аудита.

Парень не выдержал и прыснул со смеху. Лед был сломен, а жесткая проверка превратилась в легкий творческий вечер, в финале которого инспектор был совершенно очарован. Он даже не понял, в какой момент подписал акт без единого замечания. Помнил только, что вокруг летали перья и пахло барбарисом!

Вечером, когда контора опустела, Марго победно взмахнула розовыми перьями, откинулась в кресле и подмигнула своему отражению в темном экране монитора. Пусть вокруг были мазут, запчасти и суровые водители автобусов – пока у нее оставались корсет, красная помада и умение смеяться над собой, этот мир послушно вращался вокруг ее импровизированной сцены.

Басня о Вороне и Лисе

В лесу хлюпало, выло и харкало гнилой водой. Осень тащи́лась по окрестностям, как чахоточная корова. В дупле столетнего вяза, покрытого лишаями и жидким птичьим пометом, сидел крупный старый Ворон. Кожа вокруг его глаз была серой, в пупырышках, перья торчали облезлыми пучками, как мочало на старой швабре. Звали пернатого Корвус, но из-за вечной сырости горло у него заросло склизкой мокротой, и он только сипел.

В клюве у него застрял желтый, сальный ком. Это был не благородный сыр, а кусок недоеденного кем-то, покрытого сизой плесенью бараньего сала, разивший прогорклым жиром и чужим перегаром. Сало текло, пачкало клюв, вонючие капли падали вниз, в черную грязь.

Снизу, чавкая сапогами по болотной жиже, пробиралась Лиса. Из-под рваной, куцей шубы пахло псиной, мокрой шерстью и застарелым потом. Она остановилась у вяза, шумно высморкалась в кулак, вытерла пальцы о подол и задрала морду. Глаза у нее были мутные, слезящиеся от постоянного ветра.

– Эй, – хриплым, прокуренным голосом позвала она, и изо рта у нее повалил густой пар, пахнувший тухлой рыбой. – Мужик. Ты чего там застрял, как гвоздь в гнилой доске?

Ворон дернул крылом, из-под пера вылетела жирная

вошь. Он покрепче перехватил сало клювом. Сало хлюпнуло.

– Слышь, – Лиса сплюнула серой слюной в лужу, где плавалдохлый жук. – Мне бабы в овраге плели, что ты у нас теперь вроде как девка. Говорят, в переводах с эзоповского языка на русский тебя вороной прописали. Сумароков начал, а потом Крылов закрепил. Юбку, мол, на тебя натянули, бусы повесили. Шейка, глазки... Тьфу, срам-то какой.

Ворон глухо зарычал внутри зоба. Мокрота в его горле заклокотала.

– Мне самой от этого француза Лафонтена досталось, тоже пол на кобеля переписали, еле отплевалась. А про тебя я сразу сказала: брехня! – Лиса подтянула ржавую пряжку на брюхе, под которой прело грязное белье. – Какой же это бабский зад? Это же орел! Погляди на него – клюв в шрамах, когти в чешуе, перья как голенища старых сапог. Мужик! Ну-ка, рывкни по-нашему, по-древнегреческому, чтоб эти писцы в своих конторах чернилами захлебнулись. Рывкни, Корвус!

Ворон раздул зоб. Обида, копившаяся веками, подступила к самому кадыку вместе с тухлой отрыжкой. Городить из него, ветерана античных болот, глупую бабу с сыром? Из-за каких-то северных переводчиков?

Он открыл пасть, собираясь выдать утробный, страшный, мужской хрип.

Сальный ком выпал из клюва и с тяжелым шлепком рух-

нул прямо в придорожную жижу, обдав лапы Лисы черными брызгами. Лиса мгновенно, по-собачьи, упала на четвереньки, вгрызлась зубами в грязное сало вместе с торфяной землей и прошлогодними листьями. Шумно зашавкала, давясь и размазывая жир по усам.

Ворон сверху посмотрел на свои пустые лапы, на грязную лисью спину, покрытую репьями. Попытался каркнуть, но из горла вылетел лишь тихий, бабий, стыдный писк.

Дождь припустил сильнее, смывая остатки античной гордости в общую сточную канаву.

В Нео-Воронеже

Дождь в Нео-Воронеже лил строго по расписанию – с двух до четырех ночи, согласно купленной мэрией лицензии на атмосферные осадки.

Я стоял под дырявым козырьком лапшичной «Кибер-Славянка». Мой плащ из графеновой мембраны мемного бренда Tech-Наглец отводил воду прямо в ботинки соседа. Подсветка моих тактических ремней уныло мигала оранжевым. Батарейка садилась. Жизнь тоже.

Она появилась из неонового тумана, как системная ошибка, которую ты не хочешь исправлять.

Ее звали Аэлита. Или Сбер-Петровна по паспорту, но кто сейчас смотрит в паспорта, когда есть сканеры сетчатки? На ней был асимметричный кроп-топ с подогревом, карго-штаны с тридцатью двумя карманами (в основном для криптокошельков) и массивные ботинки на магнитной подошве, которые при каждом шаге сочно шлепали по лужам, закорачивая контакты и выбивая искры статического электричества. Матрица ее лица была идеальна. Левый глаз светился мягким ультрафиолетом, сканируя пространство на наличие скидочных купонов.

Футуристичная женственность, дерзкая, как непроверенное обновление прошивки. Она не ждала, пока ей откроют дверь. Она могла взломать эту дверь удаленно, вместе с чи-

пом швейцара. Но в том-то и проблема: ее цифровая подпись была слишком известной в Сети. Стоило ей запустить хотя бы простенький скрипт дебаггинга в сторону бывшего, как киберполиция тут же запеленговала бы ее по GPS. Ей нужен был кто-то незаметный. Тот, кто действует по старинке – руками, ломом и чужими прокси-серверами. Кто-то вроде меня.

– Ты детектив Марлоу-Иванов? – ее голос прозвучал с легким эффектом автотюна. – Мне сказали, ты находишь потерянное.

– Смотря что потеряно, леди, – я затянул стропу на плече, симулируя крутизну. – Если это ваша девственность в цифровом пространстве, то я опоздал лет на десять.

Она не улыбнулась. Только ее смарт-татуировка на шее сменила цвет с «неонового пурпура» на «тревожный алый».

– Мой бывший взломал мой умный дом, – сказала она, присаживаясь на хромированный табурет. – Он перепрошил мой робот-пылесос. Теперь этот мерзавец не убирает, а ездит за мной по квартире и цитирует Омара Хайяма басом Михаила Шуфутинского. А еще он заблокировал мой термостат на режиме «Сауна в Отрожке».

– Жестоко, – кивнул я, заказывая нам по порции синтетического рамэна с жидким азотом. – Заявление в киберполицию писали?

– Они заняты. Ловят банду, которая майнит биткоины через чипированных голубей, – Аэлита изящным движением

поправила португую, на которой висел дебаггер. – Мне нужен профи. Тот, кто умеет действовать грязно. Напиши ему скрипт возмездия. Чтобы его собственный смарт-унитаз требовал подписку «Яндекс.Плюс» за каждый смыв.

Я посмотрел в ее ультрафиолетовый глаз. В нем отражалась вывеска «Круглосуточная шаурма и наномодификации». Это было опасно. Мой процессор Core i9 в затылке сигнализировал о перегреве, а кулеры за ушами начали тихо жужжать.

– Ладно, – сказал я, доставая из кармана тактический стилус. – Но это будет стоить дорого – ноль-ноль-ноль-пять биткоинов. И чашку нормального, не синтетического кофе.

– Идет, – Аэлита протянула мне руку.

Ее пальцы, обтянутые в митенки из огнеупорного кевлара, были холодными, как серверная стойка зимой. Но в городе, где неон резал глаза, а технологии заменили душу, этот холод казался самым живым, что я встретил за всю неделю.

Мы доели рамен. Нео-Воронеж продолжал шуметь дронами. Надвигалась ночь, полная багов и плохой оптимизации.

Modern Baroque

Эллочка перевела дух и затянула корсет на выдохе. Дышать стало необязательно. Главное – держать фасон.

С лексическим багажом в тридцать слов Эллочка-Людоедка могла легко покорить любую соцсеть. Но когда ее заклятая подруга Фима Собак выложила рилс в минималистичном сканди-беже, Эллочка поняла: нужен симметричный ответ. Минимализм мертв. Да здравствует избыточность!

Google выдал ей спасительное словосочетание: Modern Baroque. Эллочка замерла. С экрана на нее повеяло тяжелым бархатом, золотом, пудрой и абсолютной, королевской властью.

– Мрак! – восхищенно выдохнула Эллочка. – Блеск!

Ее двухкомнатная квартира в Новой Москве преобразилась за неделю. Скандинавские стеллажи отправились на помойку. Их место заняли шкафы с позолоченными вензелями и лепнина из пенопласта. Лепнина была везде, даже на вытяжке в кухне. Мастер Ашот долго пытался объяснить, что барочные ангелочки расплавятся над газовой плитой, но Эллочка лишь царственно повела бровью:

– Не учите меня жить!

Центром вселенной стала кровать с балдахином из тяжелого бордового бархата. Бархат собирал пыль со всего района, но Эллочку это не волновало. Настоящая королева выше

аллергии.

Гардероб подвергся жесткой люстрации. Никаких худи. Никаких кроссовок. Только хардкор, только кринолины.

Утренний выход Элочки в «Пятерочку» за молоком превратился в театральный перформанс. Она плыла между рядами с чипсами в парчовом платье в пол, шурша фижмами и едва протискиваясь между тележками. На голове возвышалась двухэтажная прическа, увенчанная бутафорским парусником.

– С вас четыреста рублей, – уныло сказала кассирша, даже не подняв глаз на филиал Версаля.

– Жуть, – властно ответила Элочка, протягивая банковскую карту мужа.

Муж Эрнест, инженер на заводе, барокко не оценил. Вернувшись со смены, он обнаружил, что его любимый диван обтянут шелком с принтом из какающих амуров, а вместо ужина на золотом блюде лежат три дольки мандарина и веточка розмарина. Для композиции.

– Эля, это что за... хаос? – устало спросил Эрнест, пробираясь через канделябры.

– Хамите, парниша, – отрезала Элочка. Она сидела на бархатном троне в глухом корсете, который поднял ее грудь прямо к подбородку. От нехватки кислорода лицо королевы приобрело барочную бледность с легким синюшным оттенком.

– Эля, у меня борщ в кастрюле оставался. Где он?

– Кр-расота! – Эллочка указала пальцем с трехсантиметровым накладным ногтем на фарфоровую супницу, украшенную стразами. Борщ внутри выглядел чужеродно, как пролетарский бунт в Тюильри.

Эрнест вздохнул и полез в телефон. Ему нужно было заработать еще на сто метров золотой тесьмы, иначе Эллочка грозила объявить ему каноническую анафему и лишит королевской милости.

Фима Собак была разгромлена. В новом видео Эллочка просто молча сидела в кадре под музыку Вивальди, медленно обмахиваясь веером из павлиньих перьев. Взгляд ее выражал презрение ко всему роду человеческому и легкую тошноту от слишком тугого корсета.

Просмотры росли. Подписчики писали: «Богиня! Какой сложный образ! Сколько дороговизны!».

Эллочка листала комментарии, блаженно улыбаясь. Фима Собак в своем бежевом худи могла идти плакать.

Эрнест зашел в спальню, споткнулся о позолоченную банкетку и тихо выругался.

Эллочка строго посмотрела на него сквозь лорнет:

– Хо-хо! Поживи-ка ты с мое!

Она попыталась величественно встать, но запуталась в кринолине и рухнула обратно на бархатный трон. Королевский статус требовал жертв. Королевский статус стоил дорого.

На следующее утро «Пятерочка» была забыта. На горизонте замаячила угроза посерьезнее – Фима Собак нанесла ответный удар. Она выложила рилс из крафтовой кофейни, где сидела в японском кимоно из необработанного льна и пила матчу. Подпись гласила: «Истинный люкс – это пустота и тишина. Избыточность – удел провинциальных сорок».

Эллочка аж икнула, отчего корсет угрожающе треснул по шву.

– Подумаешь! – воинственно процедила она. – Толстая и красивая!

Война была объявлена. Эллочка поняла: одних рилсов мало, нужна экспансия в реальный мир. Стратегическим объектом был выбран завод, где Эрнест трудился ведущим инженером. Там как раз намечался юбилей цеха, куда пригласили и жен. Фима Собак тоже шла – ее муж работал там в отделе логистики.

Подготовка к барочному десанту заняла три дня. Эллочка соорудила на голове не просто парусник, а целую батальную сцену: фрегат, штормовые волны из накрахмаленной марли и маленькую фигурку тонущего матроса с лицом Фимы Собак. Юбка из парчи достигла таких масштабов, что Эллочке пришлось ехать на завод в грузовом такси, стоя на коленях, чтобы не помять кринолин.

У входа на заводскую проходную Эрнест ждал ее с лицом человека, идущего на плаху. Когда из кузова «Газели» величественно выплыло облако бордового бархата, золотой тесь-

мы и перьев, суровые фрезеровщики у ворот уронили сигареты. Эллочка медленно, как ледокол, двинулась к дверям.

– Эля, ради бога, не ходи через турникет, застрянешь, – умоляюще прошептал бледный Эрнест, глядя на узкую железную вертушку на входе. – Давай я проведу тебя через ворота.

– Знаменито, – высокомерно бросила Эллочка, даже не повернув головы с кораблем, и смело шагнула в стальные тиски советской пропускной системы.

Разумеется, она застряла на первом же повороте. Кринолин намертво заклинило между тремя железными штангами. Охранник в будке отложил кроссворд.

– Хамите, парниша, – величественно бросила Эллочка заблокированному турникету, пытаясь сохранить королевскую осанку, пока Эрнест аккуратно подпихивал парчу сзади, чтобы освободить ее величество.

Кое-как преодолев этот кордон, они наконец добрались до банкетного зала. Там уже стояла Фима Собак, завернутая в свой экологически чистый лен, напоминая дорогой мешок с картошкой.

При виде Элочки Фима подавилась бутербродом со шпротой.

Эллочка медленно, как ледокол, поплыла через зал. Рабочие расступались. Парчовая юбка сметала со столов пластиковые стаканчики, но величие требовало жертв. Она остановилась в двух шагах от соперницы, подняла позолоченный

лорнет и окинула Фиму уничтожающим взглядом.

– Ого! – громко сказала Эллочка, разглядывая льняное платье Собак. – Кому и кобыла невеста.

Фима позеленела.

– Элла, твой исторический косплей выглядит... тяжело-вато для Новой Москвы, – ядовито ответила Фима, поправляя минималистичные бамбуковые серьги. – Сейчас в тренде осознанное потребление и воздух в пространстве.

Эллочка сделала глубокий (насколько позволял корсет) вдох. В ее тридцатисловном арсенале не было терминов для ведения дискуссий об экоактивизме. Но у нее было тайное оружие – барочная экспрессия.

Она сделала резкий взмах веером из страусиных перьев. В воздух поднялось облако пудры, замешанной на блестях. Фима закашлялась. Эллочка властно топнула туфлей на огромном каблуке с золотой пряжкой.

– Мрак! – отрезала Эллочка, брезгливо глядя на зеленую жижу в стакане Фимы. – Жуть! Поедем на извозчике!

В этот момент директор завода объявил начало танцев. Заиграл тяжелый, как советская промышленность, хит группы «Комбинация». Эллочка поняла – это ее бенефис. Менуэт под «Бухгалтера» – что может быть более Modern Baroque?

Она схватила ошарашенного Эрнеста за рукав пиджака и увлекла в центр круга. Фижмы платья взлетали, сшибая фужеры с шампанским. Корабль на голове Элочки качался,

матрос с лицом Фимы Собак окончательно отвалился и упал в тарелку с заливным. Эллочка кружилась, сияя золотым шитьем, а ее властный взгляд говорил всем присутствующим: «Я – королева этого конвейера!».

Фима Собак не выдержала позора, подхватила свой минималистичный лен и сбежала с банкета, даже не допив матчу. Это была абсолютная, безоговорочная победа Версаль над Токио.

Дома, уставшая и счастливая, Эллочка сидела на диване с какающими амурами. Корсет был наконец расшнурован, и она смогла вдохнуть полной грудью. Эрнест принес ей чай в кружке, на которую Эллочка уже успела наклеить стразы.

– Ну что, королева, – улыбнулся Эрнест, – Собак побеждена?

Эллочка блаженно зажмурилась, отхлебнула чаю и величественно кивнула:

– Хо-хо! Блеск!

*

Победа над Фиминым льном требовала закрепления. Эллочка понимала: настоящая королева не поживает на лаврах, она расширяет территории. Однако Фима Собак оказалась сильным соперником. Поняв, что минимализмом Версаль не сжечь, Фима ушла в радикальный андеграунд.

Через неделю в соцсетях Собак появился мрачный рилс под загробный орган. Фима стояла на фоне черной стены в глухом бархатном платье в пол, с воротником-рафом, блед-

ным лицом и черной помадой. Подпись гласила: «Барокко – это пошлость нуворишей. Истинный аристократизм – это Готика. Приготовиться к инквизиции».

Эллочка прищурилась, разглядывая экран через позолоченный лорнет.

– Жуть! – вынесла она вердикт. – Хамите, парниша.

Эстетическая инквизиция постучала в дверь Элочки уже в субботу. Фима не просто сменила имидж, она возглавила совет дома в их ЖК в Новой Москве. Вместе с ней пришли разгневанные соседи снизу и участковый.

Дело в том, что барочный апгрейд квартиры Элочки весил как приличный средневековый замок. Пять слоев лепнины на потолке, дубовый трон, кровать с балдахином и три чугунных канделябра дали о себе знать. У соседей снизу, скромных минималистов, натяжной потолок провис в форме барочной чаши, угрожая похоронить их под тяжестью чужого величия.

Дверь открыл Эрнест в трениках и футболке. За его спиной, в полумраке прихожей, усыпанной блестками, высилась Эллочка. На ней был домашний пеньюар из парчи, а прическу венчала уменьшенная копия триумфальной арки.

– Вот! Посмотрите на этот притон гигантизма! – замогильным голосом провозгласила Фима, поправляя черную вуалетку. – Они нарушают несущие конструкции здания своей избыточностью! Архитектурный трибунал требует демон- тажа!

Эллочка сделала шаг вперед. Ее фижмы застряли в проеме двери, но она даже не подала виду. Властный взгляд королевы уперся в готическую бледность Фимы.

– Мрак, – процедила Эллочка. – Чьи это сопли?

– Это не сопли, Элла, это предписание от управляющей компании! – Фима взмахнула черным веером, от которого пахло ладаном. – Твои ангелочки на вытяжке давят на вентиляционную шахту всего стояка! Соседи задыхаются!

Участковый, молодой парень, растерянно переводил взгляд с пенопластовых купидонов на потолке на черные четки в руках Фимы. Ему казалось, что он попал на съемки исторического фэнтези, где Людовик XIV судится с семейкой Аддамс за квадратные метры.

Эрнест попытался сгладить углы:

– Товарищи, мы все исправим. Мы снимем пару канделябров. Эля, ну скажи им...

Но Эллочка не собиралась капитулировать перед готическим орденом. Она царственно вскинула подбородок, чуть не задушив себя корсетом, и достала свой главный козырь. Из кармана парчового пенюара она извлекла тяжелую золотую пудреницу.

– Учите матчасть, – властно объявила она (эту фразу она подсмотрела в комментариях).

Одним точным, отрепетированным движением Эллочка открыла пудреницу и дунула в сторону Фимы и комиссии. Облако плотной, сияющей золотой пыли заполнило общий

коридор. Участковый чихнул. Соседи снизу зажмурились. Фима Собак в своем безупречно черном траурном бархате мгновенно покрылась ровным слоем золотого глиттера, превратившись из готической графини в диско-шар начала двухтысячных.

– Мой аутентичный нуар! – взвизгнула Фима, пытаясь отряхнуть золото с рукавов, но блески намертво въедались в ткань. – Ты сорвала мне эстетическую концепцию!

– Хо-хо! – победоносно рассмеялась Эллочка, захлопывая пудреницу. – Знаменито! Поедем на такси!

Поняв, что против барочного оружия массового поражения у них нет аргументов, комиссия вместе с позолоченной Фимой позорно ретировалась к лифтам.

Эрнест закрыл дверь, прислонился к ней спиной и посмотрел на жену. На полу прихожей сияли свежие блески. Потолок тихонько хрустнул.

– Эля, – устало сказал он, – пудра – это пять баллов. Но пол на кухне реально прогибается под супницей со стразами. Надо что-то делать.

Эллочка подошла к зеркалу в золотой раме, поправила триумфальную арку на голове и подмигнула своему отражению.

– Блеск, – ответила она мужу. – Парниша, пиши стилисту. Будем расширять жилплощадь за счет просмотров.

Мода требует смазки

Скрежет шестеренок в левом бедре леди Пенелопы Ачесон в очередной раз доказал, что мода требует не просто жертв, а регулярной смазки машинным маслом.

– О, клянусь паровым котлом Его Величества, – прошипела Пенелопа, пытаясь изящно перешагнуть через сточную канаву Ист-Энда.

Ее левая нога, заключенная в латунный экзоскелет, заклинила в балетной позиции «аттитюд». Наручный манометр, встроенный в тугой корсет из шкуры механического аллигатора, тревожно свистнул, выбросив тонкую струю пара прямо в ее кружевное жабо. Кружево мгновенно поникло, пахнув углем и дорогими духами.

Пенелопа была авантюристкой высшего разряда. По крайней мере, так было написано на ее визитных карточках, отпечатанных на тончайших медных пластинах. Ее сегодняшний образ кричал об опасности, роскоши и полном пренебрежении к законам аэродинамики.

Голову леди украшал шелковый цилиндр, на котором с трудом удерживались три пары гогглов: одни – со сменными линзами из цейлонского изумруда для обнаружения фальшивых фунтов, вторые – с телескопическими насадками для подглядывания в чужие блокноты, и третьи – просто для красоты, потому что на них были припаяны очаровательные ла-

тунные крылышки. Из-за веса этой оптики цилиндр постоянно сползал ей на нос, превращая любую авантюру в игру в прятки с судьбой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.